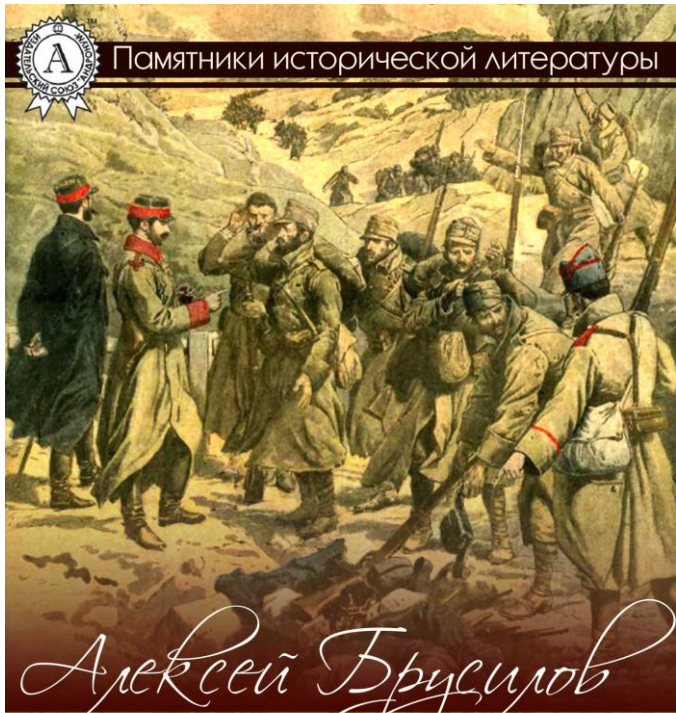

Памятники исторической литературы

Алексей Брусилов

МОИ
ВОСПОМИНАНИЯ

Аннотация

«Памятники исторической литературы» - новая серия электронных книг Мультимедийного Издательства Стрельбицкого.

В эту серию вошли произведения самых различных жанров: исторические романы и повести, научные труды по истории, научно-популярные очерки и эссе, летописи, биографии, мемуары, и даже сочинения русских царей. Объединяет их то, что практически каждая книга стала вехой, событием или неотъемлемой частью самой истории.

Это серия для тех, кто склонен не переписывать историю, а осмысливать ее, пользуясь первоисточниками без купюр и трактовок.

Алексей Алексеевич Брусилов (1853—1926) — русский и советский военачальник и военный педагог, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, главный инспектор кавалерии РККА. Его талантливо задуманный и блестяще осуществленный прорыв фронта австро-германских войск в 1916 году, получивший название Луцкого, а впоследствии Брусиловского, отразился на всем ходе мировой войны.

Брусилов оставил после себя мемуары под названием «Мои воспоминания», посвящённые преимущественно своей службе в царской и Советской России.

А. А. Брусилов

Мои воспоминания

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

«Памятники исторической литературы» — новая серия электронных книг Мультимедийного Издательства Стрельбицкого.

В эту серию вошли произведения самых различных жанров: исторические романы и повести, научные труды по истории, научно-популярные очерки и эссе, летописи, биографии, мемуары, и даже сочинения русских царей.

Объединяет их то, что практически каждая книга стала вехой, событием или неотъемлемой частью самой истории.

Это серия для тех, кто склонен не переписывать историю, а осмысливать ее, пользуясь первоисточниками без купюр и трактовок.

Пробудить живой интерес к истории, научить соотносить события прошлого и настоящего, открыть забытые имена, расширить исторический кругозор у читателей — вот миссия, которую несет читателям книжная серия «Памятники исторической литературы».

Читатели «Памятников исторической литературы» смогут прочесть произведения таких выдающихся российских и зарубежных историков и литераторов, как К. Биркин, К. Валишевский, Н. Гейнце, Н. Карамзин, Карл фон Клаузевиц, В. Ключевский, Д. Мережковский, Г. Сенкевич, С. Соловьев, Ф. Шиллер и др.

Книги этой серии будут полезны и интересны не только историкам, но и тем, кто любит читать исторические произведения, желает заполнить пробелы в знаниях или только собирается углубиться в изучение истории.

Предисловие

Генерал от кавалерии Алексей Алексеевич Брусилов вошел в историю первой мировой войны как выдающийся полководец. Его талантливо задуманный и блестяще осуществленный прорыв фронта австро-германских войск в 1916 году, получивший название Луцкого, а впоследствии Брусиловского, отразился на всем ходе мировой войны.

Одаренный большим природным умом, образованный, решительный и энергичный полководец, Брусилов резко выделялся среди царских генералов. Он верил в русского солдата и любил его. «Солдаты были русские, я смотрел на

них как на свою семью», — пишет он в своих воспоминаниях.

Брусиллов любил Россию, свою дорогую родину, и служил ей честно и преданно до конца своей жизни. «От русского народа я не отделюсь и останусь с ним, что бы ни случилось», — говорил он, и говорил правду. Он знал ее друзей и врагов.

Брусиллов не пошел за своими коллегами, генералами царской армии, в лагерь контрреволюции, а остался с народом. Советским гражданином и командиром Красной Армии закончил он свой жизненный путь.

А. А. Брусиллов родился в 1853 году в Тбилиси в семье генерал-лейтенанта. Рано оставшись без родителей, воспитывался у родственников. Четырнадцатилетним мальчиком был отдан в Пажеский корпус в Петербурге.

«Учился я странно: те науки, которые мне нравились, я усваивал очень быстро и хорошо, некоторые же, которые были мне чужды, я изучал неохотно и только-только подучивал, чтобы перейти в следующий класс: самолюбие не позволяло застрять на второй год», — вспоминает Брусиллов. В 1872 году он был выпущен офицером в 15-й Тверской драгунский полк.

Началась русско-турецкая война 1877–1878 гг. В ночь на 12 апреля во главе небольшого отряда поручик Брусиллов перешел турецкую границу,

переправившись вброд через реку Арпачай, и вынудил турецкую заставу сдаться в плен. Так принял боевое крещение будущий полководец.

Кавказский театр военных действий, на котором пришлось воевать Брусилову, отличался суровой природой, отсутствием сколько-нибудь сносных дорог. В ущельях по заснеженным скалам бредили отряды башибузуков — турецкой иррегулярной конницы, подстерегая отставших и уничтожая небольшие русские отряды.

Русские войска наступали на сильную турецкую крепость Карс, постепенно охватывая ее со всех сторон. Молодой поручик Брусилов находился в авангарде русских войск, штурмовавших крепость.

Вскоре по окончании войны с турками Брусилов был назначен в офицерскую кавалерийскую школу в Петербурге, где и прослужил до 1906 года. С должности начальника этой школы пошел командовать 2-й гвардейской кавалерийской дивизией, а в 1908 году получил 14-й корпус, стоявший в Люблине. Через четыре года Брусилов стал помощником командующего войсками Варшавского военного округа и оказался в чужой, враждебной ему среде; здесь, в «высшем круге» общества, велись разговоры и завязывались связи, компрометирующие честь России, не прекращалась подозрительная возня немцев и

прогерманских генералов и чиновников. Брусилов насторожился. В своих воспоминаниях он пишет:

«Не могу не отметить странного впечатления, которое производила на меня тогда вся варшавская высшая администрация. Везде стояли во главе немцы: генерал-губернатор Скалон, женатый на баронессе Корф, губернатор — ее родственник, барон Корф, помощник генерал-губернатора Эссен, начальник жандармов Утгоф, управляющий конторой государственного банка барон Тизенгаузен, начальник дворцового управления Тиздель, обер-полицмейстер Мейер, президент города Миллер, прокурор палаты Гессе, управляющий контрольной палатой фон Минцлов, вице-губернатор Грессер, прокурор суда Лейвин, штаб-офицеры при губернаторе Эгельстром и Фехтнер, начальник Привислинской железной дороги Гескет и т. д. Букет на подбор. Я был назначен по уходе Гершельмана и был каким-то резким диссонансом — «Брусилов».

В таком окружении, чувствуя повсюду явную и тайную измену, он не мог, конечно, оставаться долго. «Неудобного», настойчивого, честного русского генерала, душой и телом преданного своей родине, постарались убрать. 1913 год застал Брусилова уже в Киевском военном округе.

Настал памятный 1914 год. На западе сгущались тучи войны. Незадолго до начала ее

Брусиллов жил на курорте в немецком городе Киссингене. Глубоко врезался в его память один вечер:

«В тот памятный вечер весь парк и окрестные горы были великолепно убраны флагами, гирляндами, транспарантами. Музыка гремела со всех сторон. Центральная же площадь, окруженная цветниками, была застроена прекрасными декорациями, изображавшими московский Кремль, церкви, стены и башни его. На первом плане — Василий Блаженный. Нас это очень удивило и заинтересовало. Но когда начался грандиозный фейерверк с палубой и ракетами под звуки нескольких оркестров, игравших «Боже, царя храни» и «Коль славен», мы окончательно поразились. Вскоре масса искр и огней с треском, напомиавшим пушечную пальбу, рассыпаясь со всех сторон на центральную площадь парка, подошла все постройки и сооружения Кремля. Перед нами было зрелище настоящего громадного пожара. Дым, чад, грохот и шум рушившихся стен. Колокольни и кресты церковей накренились и валялись наземь. Все горело под торжественные звуки увертюры Чайковского «12-й год». Мы были пора— жены, и молчали в недоумении. Но немецкая толпа аплодировала, кричала, вопила от восторга, и неистовству ее не было пределов, когда музыка сразу при падении последней стены над пеплом

наших дворцов и церквей, под грохот фейерверка, загремела немецкий национальный гимн. «Так вот в чем дело! Вот чего им хочется!» — воскликнула моя жена. Впечатление было сильное. «Но чья возьмет?» — подумалось мне».

Прозвучал выстрел в Сараеве. По ночам грохотали по рельсам немецких и австрийских железных дорог воинские эшелоны, приближаясь к восточным, западным и южным рубежам.

Чудовищная военная машина кайзера Вильгельма начала действовать.

Брусилов поспешил вернуться в Россию.

К концу июля Брусилов сосредоточил дивизии 8-й армии Юго-Западного фронта, командование которой он принял, на линии Печиск — Проскуров — Антоновцы — Ярмолинцы, имея против себя части австро-венгерской армии. В первом же столкновении с неприятелем войска генерала Брусилова разбили австрийскую кавалерийскую дивизию, шедшую от Городка. 5 августа был получен приказ перейти в наступление, не ожидая дальнейшего сосредоточения войск. В тот же день 8-я армия перешла реку Збруч, являвшуюся государственной границей России, и, отбросив австрийцев, взяла много пленных, орудия и пулеметы. Продвинувшись на запад, войска Брусилова разгромили неприятеля у реки Коробец, захватив и здесь огромное количество пленных и

трофеев.

Но первое настоящее сражение Брусилов дал на реке Гнилая Лиля. «Преыдыущие бои, делаясь постепенно все серьезнее, были хорошей школой для необстрелянных войск. Эти удачные бои подняли их дух, дали им убеждение, что австро-венгерцы во всех отношениях слабее их» (Брусилов). Два дня, 17 и 18 августа, продолжались жестокие схватки на этом рубеже. Австрийцы были разгромлены и, понеся большие потери, оставив массу орудий, пулеметов, винтовок, обозы, отступили в беспорядке. Брусилов двинулся к Львову. В результате успешного наступления русские солдаты под командованием Брусилова вошли в старинный русский город Львов — крупнейший центр Западной Украины.

22 августа пал сильно укрепленный австрийцами Галич — стольный город древнего русского Галицко-Волынского княжества. Грянули августовские бои у Гродека, где части брусиловской 8-й армии покрыли себя вновь неувядаемой славой. Дальнейший путь русским войскам в Галиции преграждал другой старинный русский город — Перемышль, также превращенный неприятелем в первоклассную крепость. Сюда и продвигались части 8-й армии.

В сентябре потрепанные в боях австрийцы очищали Восточную Галицию. Австро-германское

главное командование, стремясь остановить русские войска, единственную надежду возлагало на Перемышль. В течение месяца шла борьба за него. На помощь осажденной крепости спешили реорганизованные австрийские армии. Но Брусилов сумел разбить их и двинулся к Карпатам, имея целью подготовить плацдарм для вступления русских войск на территорию Закарпатской Украины. 8-я армия под его командованием вышла в район Дуклинского перевала. Совершенно правильно оценивая обстановку, сложившуюся к тому времени, Брусилов считал необходимым иметь здесь сильный кулак, стянуть на себя побольше непри— ятельских войск и тем самым обеспечить успешную осаду Перемышля.

Брусиловская тактика всегда отличалась высокой активностью. «Лучший способ обороны — это при мало-мальской возможности переход в наступление, то есть обороняться надо не пассивно, что неизменно влечет за собой поражение, а возможно более активно, нанося противнику в чувствительных местах сильные удары» (Брусилов).

Бои русской армии в Карпатах являли собой образцы мужества и героизма. По пояс в снегу, в лютую стужу, почти без патронов и снарядов, экономя каждый выстрел, дрались русские солдаты. Брусилов писал: «Объезжая войска на горных

позициях, я преклонялся перед этими героями, которые стойко переносили ужасающую тяжесть горной зимней войны при недостаточном вооружении, имея против себя втрое сильнеешего противника».

Из внутренних областей Германии и Австрии непрерывным потоком шли подкрепления. Подвозилась тяжелая артиллерия. Сильная ударная группа генерала Макензена прорвала русский фронт у Горлицы. Отбиваться было нечем. Началось трудное, кровопролитное отступление. Брусилов отошел на реку Буг.

Минула тяжелая зима 1915/16 года. В марте Брусилова назначили главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта. Это до известной степени развязывало ему руки, предоставляло инициативу. Бездарное верховное командование несколько ослабило свое давление на него. Окружение царя по-прежнему не любило Брусилова и опасалось роста его популярности. Для придворной камарильи генерал без княжеского, графского или баронского титула, без протекций и связей, без академического значка оставался «выскачкой» и «берейтором»¹. Но теперь в руках

¹ Г. Белов. Русский полководец А. А. Брусилов. «Военно-исторический журнал», 1962, № 10, стр. 43.

Брусилова сосредоточились крупные воинские силы, дававшие ему возможность ставить и разрешать большие задачи.

1916 год проходил под знаком позиционной войны. Войска зарылись в окопы. На огромном протяжении на западе и на востоке тянулись бесконечными лентами окопы, ходы сообщений, блиндажи, волчьи ямы, проволочные заграждения, минные поля. Война ушла под землю. Если бы кто-то ничего не знающий о войне очутился между неприятельскими траншеями, он даже при самом остром зрении не усмотрел бы нигде следов человека. А между тем на расстоянии каких-нибудь 200 метров за козырьками окопов, в блиндажах и землянках кипела особая окопная жизнь, и тысячи глаз зорко смотрели вперед, подстерегая врага. Лишь по ночам тарахтели повозки и кухни, глухо рокотали автомобили, идущие с притушенными фарами, подходили санитарные двуколки и бесконечной вереницей тянулись по путям сообщений истощенные, посеревшие от окопной земли солдаты. К рассвету же опять все вымирало. Лишь изредка появлялся тихоходный неуклюжий самолет. Как комья ваты, распухали вокруг него разрывы шрапнели, и летчик спешил назад.

Фронт застыл.

Почти не продвигаясь вперед, немцы бросали в бой дивизии, корпуса, армии, перемалывая их в

«верденской мясорубке». Попытки англо-французских армий перейти в наступление также не увенчались успехом. Каждый километр отбитой у врага территории стоил сотен тысяч жизней. Весь 1916 год на западе проходил под знаком оперативной безысходности позиционной войны.

Брусилов сломил обычное представление о позиционной войне и застывшем фронте. Ему удалось добиться оперативного успеха крупнейшего значения, отразившегося на всем ходе мировой войны.

Обстановка на Западном фронте была очень тяжелой. Англофранцузская армия нуждалась в помощи. Французам под Верденом с каждым днем становилось все трудней. Верденская операция поглощала несметное число человеческих жизней и огромное количество боеприпасов, военного снаряжения. Итальянская армия отступала, и Италия оказалась на грани военной катастрофы. Англофранцузское и итальянское командования требовали от России немедленной помощи. Русская Ставка вынуждена была принять решение о наступлении.

Сразу же после своего назначения главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта Брусилов взялся за разработку плана наступления. Смысл его оперативного плана

заключался в том, чтобы «навалиться всеми силами на австро-германский фронт». А для этого каждая армия выбирала один наиболее ответственный участок, каждый корпус также намечал для себя такой ударный участок. На всех этих участках должны были немедленно начаться земляные работы для сближения с противником. Даже если неприятель обнаружит подготовку к наступлению, то все равно он не сможет стянуть в одно определенное место все свои силы и, более того, не сумеет даже обнаружить направление главного удара. А главный удар намечался по городу Луцк. Его должна была нанести 8-я армия. Остальные армии Юго-Западного фронта тоже должны были нанести сильные удары. А резервы намечалось бросить туда, где будет достигнут наибольший успех.

Смелость, оригинальность и размах характеризуют этот план, разработанный Брусиловым. Традиционному замыслу нанесение удара «кулаком» по одному месту Брусилов противопоставил идею «атаки по всему фронту». Он учел неудачи своих коллег — главнокомандующего армиями Западного фронта генерала Эверта, главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта генерала Куропаткина, а также печальный «опыт» германского командования под Верденом и категорически

отказался выполнить «пожелание» Николая II придерживаться обычной тактики прорыва².

Брусилов был широко образованным стратегом, следил за успехами военного искусства и военной техники, тщательно изучал ход войны и тактику врага. В частности, он первым учел особенности войны в новых условиях и ввел глубокое построение оперативного порядка и оперативные резервы. «Теперь для успеха наступления надо вести его густыми цепями, а поддержки иметь в еще более густых цепях и даже в колоннах», — писал Брусилов, разбирая сражение 12-го корпуса в районе Любачев — Краковец. Этот свой тезис он развил и применил на деле во время знаменитого Брусиловского прорыва.

Подготовка к наступлению держалась в строгом секрете. Но окружавшим царя шпионам кое-что было известно. «Августейшая» шпионка, царица Александра Федоровна, весьма недружелюбно относившаяся к Брусилову, как-то спросила его, когда намечается наступление. Брусилов ответил, что такие сведения настолько секретны, что он сам их не помнит. Царица с

² Луцкий прорыв. Труды и материалы к операциям Юго-Западного фронта в мае — июне 1916 года. М., 1924, стр. 22–23.

кислой миной вручила ему... образок! А между тем подготовка к наступлению шла полным ходом.

Перед наступлением Брусилов имел сведения, что силы противника достигают 480 тысяч человек. У неприятеля было огромное преимущество в артиллерии, особенно тяжелой, и в пулеметах. Его позиции состояли из трех хорошо укрепленных полос. Каждая полоса включала в себя несколько линий окопов полного профиля, с блиндажами, убежищами, гнездами для пулеметов, бойницами, лисьими норами, козырьками и целой системой ходов сообщений. Железобетонные и земляные блиндажи с настилами из толстых бревен предохраняли даже от тяжелых снарядов. Офицерские убежища представляли собой настоящие квартиры. Все укрепления были обнесены колючей проволокой, через которую пропускался электрический ток, и к этому добавлялись еще мины. Прорыв такой линии казался невозможным. Но Брусилов рассчитывал на тщательность подготовки и внезапность удара.

Постепенно, по ночам, началось сближение с противником. Пехота вела окопные работы, ближе и ближе подвигаясь к окопам австрийцев.

Артиллерийские наблюдатели заносили на карты и планы все, что должен был подавить оружейный огонь: пулеметные гнезда, блиндажи, траншеи. Они же вбивали в землю колышки с

номерами, а к ночи у этих колышков появлялись саперы и рыли узкие глубокие ямы, оборудовали укрытия. Так была создана целая сеть артиллерийских наблюдательных пунктов.

4 июня (22 мая) 1916 года в 4 часа утра русская артиллерия открыла огонь. В 6 часов огонь усилился. Тяжелые и полевые орудия, мортиры и траншейная артиллерия методически, с определенными интервалами посылали снаряды и мины на окопы противника. В 6 часов 45 минут огонь русской артиллерии стал еще более интенсивным, интервалы между выстрелами сократились. В 9 часов утра огонь внезапно прекратился. Солдаты противника вышли из укрытий, заполнили окопы, замерли у пулеметов и винтовок, готовясь встретить русских.

Но через четверть часа русская артиллерия возобновила огонь. В 10 часов утра артиллеристы перенесли его на вторую линию позиций неприятеля. Опять застыли у пулеметов австрийцы, и снова огонь, и снова, оставляя в полуразрушенных окопах убитых и раненых, австро-венгры и немцы искали спасения в убежищах, блиндажах, лисьих норах. Два раза через равные промежутки времени русская артиллерия прекращала огонь на 15 минут и два раза на протяжении 10–20 минут вела его по тылам

противника ³. Это дезориентировало, деморализовывало, угнетало, подавляло неприятеля. И только в полдень ринулась в атаку русская пехота. Она шла волнами, в некоторых местах почти не встречая организованного сопротивления и неся относительно небольшие потери. Начался Брусиловский прорыв — наступательная операция гигантского масштаба.

Значение Брусиловского прорыва в ходе первой мировой войны огромно. Он показал, что после исключительных неудач 1915 года, после потери огромной территории русская армия не только может еще сопротивляться, но и наносить своему противнику страшные удары. Потери австро-германцев во время Брусиловского прорыва, длившегося до конца октября, составляли убитыми, ранеными и пленными до 1,5 миллиона человек. Русским достались 581 орудие, 1795 пулеметов, 448 бомбометов и минометов, огромное количество военного имущества. Фронт был прорван на протяжении 350 километров, а глубина прорыва доходила до 70 — 120 километров. Русские войска вступили в Северную Буковину и овладели Черновицами.

³ А. Базаревский. Наступательная операция 9-й русской армии. Июнь 1916 года. М., 1937, стр. 35–44, 54–57. 59–85.

Брусиловский прорыв поставил на грань военной и политической катастрофы Австро-Венгрию. Ослабли атаки немцев на Верден. Прекратилось наступление на итальянском фронте. Против Германии и Австро-Венгрии выступила Румыния. В трудную для англофранцузских и итальянских войск минуту десятки германских и австро-венгерских дивизий были переброшены с западного, итальянского, салоникинского фронтов на русский, восточный фронт. Англофранцузские войска смогли подготовить наступление на Сомме в июле 1916 года, вынудившее германское командование перейти к стратегической обороне⁴.

Блестящая операция Брусилова стала предметом тщательного изучения в генштабах многих европейских армий. Идея нажима на всем фронте, с ударом сразу в нескольких местах, идея внезапности, составлявшие основу брусиловского стратегического плана, стали венцом русского военного искусства в мировую войну. Русский опыт учел маршал Фош во время контрнаступления англо-французов в 1918 году, закончившегося военным поражением Германии. Брусиловскую идею наступления пехоты волнами использовали англичане в 1917 году, назвав свой план «атакой

⁴ «Военно-исторический журнал», 1962, № 10, стр. 45.

перекатами»⁵.

Но беспримерный прорыв русских армий на Юго-Западном фронте все же не принес тех результатов, какие мог принести. Медлительность русской Ставки дала возможность германцам и австрийцам перегруппировать силы, подтянуть резервы и ударной группой приостановить наше наступление. Англо-французское командование тоже не воспользовалось должным образом трудностями, возникшими у противника, для столь же решительного нажима на него с Запада. «В Галиции опаснейший момент русского наступления был уже пережит, когда раздался первый выстрел на Сомме»⁶.

К концу 1916 года военные действия на русском фронте вновь приобрели позиционный характер...

Приближался 1917 год. В стране царил разруха. Начинался голод. Не хватало паровозов, вагонов, хлеба, металла, угля. Все это Брусилов видел. Он тяжело переживал действительность, терял веру в царское правительство с его

⁵ «Военно-исторический журнал», 1962, № 10, стр. 44.

⁶ Эрих ф. Фалькенгайн. Верховное командование 1914–1916 гг. в его важнейших решениях. М., 1923, стр. 243.

бездарными министрами и в самого царя — нерешительного, инертного, абсолютно не соответствующего высокому положению верховного главнокомандующего. Но, как царский генерал, Брусилов болезненно реагировал на развал царизма, отождествляя его с русской армией, с Россией, с русским народом⁷. Он считал своей обязанностью помочь довести войну до победного конца. Империалистические цели войны ему были просто непонятны. Проигрыш войны он воспринимал как гибель России.

В февральские дни 1917 года Брусилов присоединился к Думе и обратился к царю с просьбой отречься от престола. Кое-кто из царской камарильи, зная популярность Брусилова, видел в нем подходящего кандидата в военные диктаторы, «усмирителя» восставшего народа. Однако расчетам этим не суждено было осуществиться.

Февральская революция не явилась для Брусилова неожиданностью. Он видел и ее дальнейший путь. «...Мне стало ясно, что дело на этом остановиться не может и что наша революция обязательно должна закончиться тем, что у власти станут большевики», — пишет в своих воспоминаниях Брусилов. Он правильно оценивал

⁷ «Военно-исторический журнал», 1962, № 10, стр. 45–46.

настроение солдат, утверждая, что «на правительство они не надеются, для них все в Совете рабочих и солдатских депутатов. Если затронуть последний — это вызывает у них злобу и раздражение... Среди солдат много было рабочих и людей, уже подготовленных к политической жизни, многие из солдат были большевики...».

Брусилов не сочувствовал брожению в солдатской массе. Для него это был «хаос», «развал» русской армии. Он выступал против знаменитого приказа № 1 и солдатских комитетов, считая, что деятельность этих организаций должна ограничиваться лишь «текущими нуждами» солдат. Брусилов восстановил полевые суды и смертную казнь на фронте, энергично боролся за укрепление дисциплины, ограничивал собрания и митинги, принимал крутые меры против распространения большевистской агитации.

В мае 1917 года его назначили верховным главнокомандующим. Но к этому времени Брусилову уже стало ясно, что продолжать войну нельзя, что за интересы помещиков и капиталистов русские солдаты в бой не пойдут. Свое согласие принять пост верховного главнокомандующего он объяснял лишь тем, что «решил остаться в России и служить русскому народу».

Буржуазия стремилась утопить революцию в крови, установить свою диктатуру. Для этого ей

нужен был диктатор, решительный, «боевой» генерал, который не остановится перед самыми жестокими репрессиями против народа. Но для такой роли Брусилов не годился. И контрреволюция очень скоро почувствовала это. Приказом Керенского Брусилов был отстранен, и на должность верховного главнокомандующего получил назначение махровый контрреволюционер Корнилов.

Позже Брусилова попытались втянуть в корниловский заговор. К нему в Москву приехала специальная делегация. И каково же было изумление этой делегации, когда Брусилов охарактеризовал выступление Корнилова как авантюру, а самого Корнилова назвал изменником.

Октябрьские бои 1917 года застали Брусилова в его московской квартире, в Мансуровском переулке на Остоженке. Здесь он был тяжело ранен в ногу осколком снаряда. Военно-революционный комитет Замоскворецкого района поставил у брусиловского дома охрану из красногвардейцев. Затем на автомобиле раненого доставили в хирургическую лечебницу на Молчановке. Рана уложила Брусилова в постель на много месяцев⁸.

⁸ Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Москве и Петрограде. М., 1957, стр. 421; Г. Белов, ук. соч., стр. 49–50.

Но и в этом состоянии его не оставляли в покое зачинатели «белого движения». Брусилова звали в Новочеркасск, на Дон, в «русскую Вандею». Он ответил отказом: «Никуда не поеду. Пора нам забыть о трехцветном знамени и соединиться под красным»⁹.

Для «белого движения» Брусилов стал опасным врагом, изменником. И белогвардейцы жестоко отомстили ему. Единственный его сын, корнет Алексей Брусилов, командир отряда красной конницы, в боях под Орлом был захвачен в плен деникинцами и расстрелян. В конце гражданской войны белогвардейцы составили список царских генералов, «продавшихся III Интернационалу». А. А. Брусилов в этом списке числился первым. В четырех номерах редактируемой Бурцевым белогвардейской газеты «Общее дело» печаталась статья о «продавшихся» большевикам генералах — А. А. Брусилове, М. Д. Бонч-Бруевиче, А. Е. Гуторе, В. М. Клембовском. Их обвиняли в «предательстве», добровольной службе Советской власти «не за страх, а за совесть», активной помощи в строительстве Красной Армии и подготовке разгрома Колчака, Деникина, а также других

⁹ «Военно-исторический журнал», 1962, № 10, стр. 50.

белогвардейских генералов¹⁰.

Чем можно объяснить такое двойственное положение Брусилова? С одной стороны, он не разделяет идей Великой Октябрьской социалистической революции, а с другой — отказывается идти вместе со своими коллегами, бывшими царскими генералами, положившими начало белогвардейским армиям.

Брусилов ценил и любил русского солдата. Он не только заботился о том, чтобы солдат был одет и сыт, считая эту заботу «первейшей обязанностью всех начальствующих лиц, несмотря ни на какие препятствия». Он верил в боевые качества русского солдата и на этой вере строил свои искусные планы, блестяще осуществлял их. Он не отгораживался от солдат, старался вникнуть в их психологию, относился к ним с доверием и даже после Февральской революции не боялся ходить на солдатские митинги, вел переговоры с солдатскими комитетами. И хотя солдаты уже не соглашались воевать до победного конца за интересы помещиков и буржуазии, к чему призывал их Брусилов, на митингах они все же слушали его, на что никак не могло рассчитывать подавляющее большинство

¹⁰ М. Д. Бонч-Бруевич. Вся власть Советам. М., 1957, стр. 318.

генералов.

«В самом начале революции я твердо решил не отделяться от солдат и оставаться в армии, пока она будет существовать или же пока меня не сменят. Позднее я говорил всем, что считаю долгом каждого гражданина не бросать своего народа и жить с ним, чего бы это ни стоило», — пишет Брусилов в воспоминаниях. Именно эти взгляды привели его, русского воина и гражданина, в ряды Красной Армии.

Ломка сложившихся убеждений была длительной и нелегкой. Брусилов знал одно — с Россией, с русским народом порвать он не может.

В первые после революции два года Брусилов был не у дел, вел жизнь «частного человека». Но вот настал памятный, кровью омытый 1920 год. На юге активизировался «черный барон» Врангель. С запада двинулись на Украину и в Белоруссию войска панской Польши. В эти дни тяжелых испытаний Брусилов выступил со всей присущей ему прямоотой и искренностью, со всей страстностью патриота в защиту Родины.

«В грозную годину наступления белополяков он возвысил свой голос и обратился к населению с просьбой и горячим призывом помочь Красной Армии отразить врага» ¹¹.

¹¹ «Правда», 18 марта 1926 года; «Известия», 18 марта

1 мая 1920 года Брусилов обратился с письмом на имя начальника Всероссийского главного штаба. В этом письме, опубликованном в «Правде», содержалось предложение о созыве совещания «из людей боевого и жизненного опыта» для принятия мер против иноземного нашествия. Через день Реввоенсовет создал Особое совещание при Главнокомандующем всеми вооруженными силами Республики под председательством Брусилова.

В состав Совещания вошли бывшие генералы В. М. Клембовский, П. О. Валуев, А. Е. Гутор, А. А. Поливанов, А. М. Зайончковский и другие. Особое совещание энергично разрабатывало вопросы обеспечения всем необходимым Западного фронта, а также вопросы военно-административных преобразований.

По инициативе Брусилова было составлено воззвание «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились», опубликованное в «Правде» 30 мая 1920 года.

«В этот критический исторический момент нашей народной жизни, — писал в этом воззвании А. А. Брусилов, — мы, ваши старшие боевые товарищи, обращаемся к вашим чувствам любви и

преданности к родине и взываем к вам с настоятельной просьбой... добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную Армию на фронт или в тыл, куда бы правительство Советской, Рабоче-Крестьянской России вас ни назначило, и служить там не за страх, а за совесть, дабы своей честною службою, не жалея жизни, отстоять во что бы то ни стало дорогую нам Россию и не допустить ее расхищения, ибо в последнем случае она безвозвратно может пропасть, и тогда наши потомки будут нас справедливо проклинять и правильно обвинять за то, что мы... не использовали своих боевых знаний и опыта, забыли свой родной русский народ и загубили свою Матушку-Россию».

Это воззвание подписали вместе с Брусиковым известные полководцы старой русской армии — Поливанов, Зайончковский, Клембовский, Парский, Валуев, Гутор, Акимов. И оно сыграло свою роль. Вслед за обращением к офицерам царской армии газеты опубликовали подписанный В. И. Лениным декрет об освобождении от ответственности всех белогвардейских офицеров, которые помогут в войне с Польшей и Врангелем. По инициативе В. И. Ленина была составлена листовка-обращение к солдатам и офицерам врангелевской армии, призывавшая к прекращению братоубийственной войны. Обращение подписали

В. И. Ленин, М. И. Калинин и А. А. Брусиллов. В октябре 1920 года А. А. Брусиллов назначается членом Военно-законодательного совещания при Реввоенсовете Республики.

Затем он стал Главным инспектором Главного управления коннозаводства и коневодства и, наконец, инспектором кавалерии РККА.

Брусиллов много и плодотворно работал на поприще подготовки командных кадров РККА. Им были высказаны глубокие мысли о падении роли конницы и повышении значения авиации в современной войне. Отдавая свои знания, свою энергию Красной Армии, он делал это за совесть, а не за страх.

«Я подчиняюсь воле народа — он вправе иметь правительство, какое желает. Я могу быть не согласен с отдельными положениями, тактикой Советской власти, но, признавая здоровую жизненную основу, охотно отдаю свои силы на благо горячо любимой мною родины», — ответил Брусиллов иностранному корреспонденту, спросившему его, как он относится к Советской власти¹².

Белогвардейцы-эмигранты вначале сулили Брусиллову всякие блага, а затем обвиняли его в том,

¹² «Военно-исторический журнал», 1962, № 10, стр. 53.

что он «продался большевикам». Брусиллов говорил жене: «Большевики, очевидно, больше меня уважают, потому что никто из них никогда и не заикнулся о том, что бы мне что-либо посулить».

В 1924 году, после пятидесяти двух лет пребывания в строю, Брусиллов вышел в отставку, но остался в распоряжении Реввоенсовета. За год до отставки он завершил работу над книгой «Мои воспоминания», первое издание которой вышло в 1929 году, а четвертое — в 1946 году.

Умер Алексей Алексеевич Брусиллов в ночь на 17 марта 1926 года в Москве от паралича сердца, последовавшего за крупозным воспалением легких.

«Рабочие и крестьяне Советского Союза не забудут А. А. Брусиллова. В их памяти будет окружен светлым ореолом облик полководца старой армии, сумевшего понять значение происшедшего социального сдвига, сумевшего возвыситься до понимания пафоса революционной защиты республики рабочих и крестьян», — писалось в некрологе, напечатанном в «Правде» и «Известиях» 18 марта 1926 г.

Отдавая должное воинскому искусству А. А. Брусиллова и ценя его вклад в дело обороны нашей страны, советские военные историки уделили ему много внимания ¹³. Брусиллов не обойден

¹³ Луцкий прорыв. Труды и материалы к операциям

вниманием и наших советских писателей. С. Сергеев-Ценский посвятил ему свою книгу «Брусилловский прорыв». Еще до этого в сборнике «Артиллеристы» был напечатан рассказ Ю. Вебера «Прорыв».

В 1932 году часть личного архива А. А. Брусилова, состоявшая из фотографий, писем, рукописей, заметок, воспоминаний, была передана вдовой А. А. Брусилова на хранение в белоэмигрантский Русский заграничный исторический архив в Праге. Через год, после смерти вдовы А. А. Брусилова, ее сестра передала в архив еще ряд материалов. В 1946 году большая часть Русского заграничного исторического архива

Юго-Западного фронта в мае — июне 1916 года. М., 1924. Наступление Юго-Западного фронта в мае — июне 1916 г. М., 1940. А. Базаревский. Наступательная операция 9-й русской армии. Июнь 1916 года. М., 1937. Л. В. Ветошников. Брусилловский прорыв. М., 1940. А. М. Зайончковский. Мировая война 1914—1918 гг. Общий стратегический очерк. М., 1924. А. Н. Де Лазари. Мировая война. Атлас схем к труду А. М. Зайончковского. М., 1924; А. Е. Барсуков. Артиллерия русской армии (1900—1917 гг.), т. I. М., 1948; т. II, 1949; т. III. 1949; т. IV, 1948. В. М. Клембовский. Стратегический очерк войны 1914—1918 гг., ч. 5. М., 1920. Н. Капустин. Оперативное искусство в позиционной войне М. — Л. 1927. А. А. Маниковский. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1937.

поступила в СССР. В архиве хранилась машинопись якобы второй части «Моих воспоминаний» А. А. Брусилова, посвященная его жизни и деятельности в Советской России. Она носила ярко выраженный антисоветский характер.

В 1948 году руководители Министерства внутренних дел сообщили об этом И. В. Сталину. Появилась версия о том, что А. А. Брусилов написал эту антисоветскую книгу во время своего пребывания на лечении в Карловых Варах в 1925 году. И сразу имя его исчезло со страниц печатных изданий.

Только после XX съезда КПСС, развенчавшего культ личности Сталина, удалось восстановить историческую правду о Брусилове. Военно-научное управление Генерального штаба, Главное архивное управление при Совете Министров СССР, редакция «Военно-исторического журнала» и Центральный научно-исследовательский институт судебных экспертиз произвели тщательный анализ рукописи второй части «Моих воспоминаний». Скрупулезное исследование показало, что она написана рукой жены А. А. Брусилова — Н. В. Брусиловой-Желиховской. Отдельным заметкам и наброскам покойного она придала композиционную стройность и антисоветскую направленность.

Целью ее кощунственных «упражнений» с

заметками покойного супруга было «оправдание» его перед белой эмиграцией. Над заметками А. А. Брусилова «трудилась» и еще какие-то преступные руки.

Честное имя А. А. Брусилова восстановлено полностью¹⁴. Оно навсегда останется в ряду имен тех представителей генералитета старой армии, которые добровольно отдали свои силы и знания службе нашей социалистической Отчизны.

Доктор исторических наук, профессор В. В. МАВРОДИН.

От автора

Я никогда не вел дневника и сохранил лишь кое-какие записки, массу телеграмм и отметки на картах с обозначением положения своих и неприятельских войск в каждой операции, которую совершал. Великие события, участником которых я был, легли неизгладимыми чертами в моей памяти. Я не имею намерения писать связанных между собой подробных исторических воспоминаний о

¹⁴ «Военно-исторический журнал», 1962, № 10, стр. 54–55. «Известия». 12 сентября 1962 г. (статья Г. Белова). «Красная звезда». 30 августа 1962 г. (статья Г. Кузьмина). «Смена», 25 января 1963 г. (статья М. Ростарчука).

мировой войне, и тем более не в моих намерениях подробно описывать боевые действия тех армий, которыми мне пришлось командовать во время этой войны. Цель моих воспоминаний — более скромная. Она состоит в том, чтобы описать мои личные впечатления и переживания в тех великих событиях, в которых я был или действующим лицом или свидетелем.

Думаю, что эти страницы будут полезны для будущей истории, они помогут многое правильно осветить, охарактеризовать только что пережитую эпоху, нравы и психологию ныне уже исчезнувшей, а в то время жившей всюю русской армии и многих ее вождей. Надеюсь, читатель не посетует, что на этих страницах он не найдет ничего стройного, цельного, а лишь прочтет то, что меня наиболее мучило или радовало, то, что захватывало меня полностью, да еще несколько картинок, почему-либо ярко сохранившихся в моей памяти.

С детских лет до войны 1877–1878 гг.

Я родился в 1853 году 19(31) августа в Тифлисе. Мой отец был генерал-лейтенант и состоял в последнее время председателем полевого аудитората Кавказской армии. Он происходил из дворян Орловской губернии. Когда я родился, ему было 66 лет, матери же моей — всего лет 27–28. Я

был старшим из детей. После меня родился мой брат Борис, вслед за ним Александр, который вскоре умер, и последним брат Лев. Отец мой умер в 1859 году от крупозного воспаления легких. Мне в то время было шесть лет, Борису четыре года и Льву два года. Вслед за отцом через несколько месяцев умерла от чахотки и мать, и нас, всех трех братьев, взяла на воспитание наша тетка, Генриетта Антоновна Гагемейстер, у которой не было детей. Ее муж, Карл Максимович, очень нас любил, и они оба заменили нам отца и мать в полном смысле этого слова.

Дядя и тетка не жалели средств, чтобы нас воспитать— вать. Вначале их главное внимание было обращено на обучение нас различным иностранным языкам. У нас были сначала гувернантки, а потом, когда мы подросли, гувернеры. Последний из них, некто Бекман, имел громадное влияние на нас. Это был человек с хорошим образованием, кончивший университет; Бекман отлично знал французский, немецкий и английский языки и был великолепным пианистом. К сожалению, мы все трое не обнаруживали способностей к музыке и его музыкальными уроками воспользовались мало. Но французский язык был нам как родной; немецким языком я владел также достаточно твердо, английский же язык вскоре, с молодых лет, забыл вследствие отсутствия практики.

Моя тетка сама была также выдающаяся музыкантша и славилась в то время своей игрой на рояле. Все приезжие артисты обязательно приглашались к нам, и у нас часто бывали музыкальные вечера. Да и вообще общество того времени на Кавказе отличалось множеством интересных людей, впоследствии прославившихся и в литературе, и в живописи, и в музыке. И все они бывали у нас. Но самым ярким впечатлением моей юности были, несомненно, рассказы о героях Кавказской войны. Многие из них в то время еще жили и бывали у моих родных. В довершение всего роскошная южная природа, горы, полутропический климат скрашивали наше детство и оставляли много неизгладимых впечатлений.

До четырнадцати лет я жил в Кутаисе, а затем дядя отвез меня в Петербург и определил в Пажеский корпус, куда еще мой отец зачислил меня кандидатом. Поступил я по экзамену в четвертый класс и быстро вошел в жизнь корпуса. В отпуск я ходил к двоюродному брату моего названного дяди, графу Юлию Ивановичу Стембоку. Он занимал большое по тому времени место — директора департамента уделов. Видел я там по воскресным дням разных видных беллетристов: Григоровича, Достоевского и многих других корифеев литературы и науки, которые не могли не запечатлеться в моей душе. Учился я странно: те

науки, которые мне нравились, я усваивал очень быстро и хорошо, некоторые же, которые были мне чужды, я изучал неохотно и только-только подучивал, чтобы перейти в следующий класс: самолюбие не позволяло застрять на второй год. И когда в пятом классе я экзамена не выдержал и должен был остаться на второй год, я предпочел взять годовой отпуск и уехать на Кавказ к дяде и тетке.

Вернувшись в корпус через год, я, минуя шестой класс, выдержал экзамен прямо в специальный, и мне удалось в него поступить. В специальных классах было гораздо интереснее. Преподавались военные науки, к которым я имел большую склонность. Пажи специальных классов помимо воскресенья отпускались два раза в неделю в отпуск. Они считались уже на действительной службе. Наконец, в специальных классах пажи носили кепи с султанами и холодное оружие, чем мы, мальчишки, несколько гордились. В летнее время пажи специальных классов направлялись в лагерь в Красное Село, где в составе учебного батальона участвовали в маневрах и различных военных упражнениях. Те же пажи, которые выходили в кавалерию, прикомандировывались на летнее время к Николаевскому кавалерийскому училищу, чтобы подготовиться к езде. Зимой пажи, выходившие в кавалерию, ездили в придворный

манеж. Там на свитских лошадях, под управлением одного из царских берейторов, мы изучали искусство езды и управления лошадью. В то время при Пажеском корпусе еще не было ни своего манежа, ни лошадей.

В 1872 году войска Красносельского лагеря закончили свое полевое обучение очень рано — 17 июля, тогда как обыкновенно лагерь кончался в августе месяце. В этот знаменательный для нас день всех выпускных пажей и юнкеров собрали в одну деревню, лежавшую между Красным и Царским Селом (названия ее не помню), и император Александр II поздравил нас с производством в офицеры. Я вышел в 15-й драгунский Тверской полк, стоявший в то время в урочище Царские Колодцы в Закавказском крае. Пажи имели в то время право выбирать полк, в котором хотели служить, и мой выбор пал на Тверской полк вследствие того, что дядя и тетка рекомендовали мне именно этот полк, так как он ближе всех стоял к месту их жительства. В гвардию я не стремился выходить вследствие недостатка средств.

Вернувшись опять на Кавказ, уже молодым офицером, я был в упоении от своего звания и сообразно с этим делал много глупостей, вроде того, что сел играть в стуколку с незнакомыми людьми, не имея решительно никакого понятия об этой игре, и проигрался вдребезги, до последней

копейки. Хорошо, что это было уже недалеко от родного дома и мне удалось занять денег благодаря престижу моего дяди. Я благополучно доехал до Кутаиса. Через некоторое время, направляясь в полк и проезжая через Тифлис, я узнал, что полк идет в лагерь под Тифлисом, и поэтому остался ждать его прибытия.

В то время в Тифлисе был очень недурной театр, было много концертов и всякой музыки, общество отличалось своим блестящим составом, так что мне, молодому офицеру, было широкое поле деятельности. Таких же сорванцов, как я (мне было всего 18 лет), там было несколько десятков.

Наконец 1 сентября я прибыл в полк, где тотчас же явился к командиру полка полковнику Богдану Егоровичу Мейендорфу. В тот же день перезнакомился со всеми офицерами и вошел в полковую жизнь. Меня зачислили в 1-й эскадрон, командиром которого был майор Михаил Александрович Попов, отец многочисленного семейства. Это был человек небольшого роста, тучный, лет сорока, чрезвычайно любивший полк и военное дело. Любил он также выпить; впрочем, я должен сказать, что и весь полк в то время считался забубенным. Выпивали очень много, при каждом удобном и неудобном случае. Большинство офицеров были холостяки; насколько помню, семейных было три-четыре человека во всем полку.

К ним мы относились с презрением и юным задором.

В лагере жили в палатках, и каждый день к вечеру все, кроме дежурного по полку, уезжали в город. Больше всего нас привлекала оперетка, во главе которой стоял Сергей Александрович Пальм (сын известного беллетриста 70-х годов Александра Ивановича Пальма); в состав труппы входили артисты: Арбенин, Колосова, Яблочкина, Кольцова, Волынская и много других талантливых певцов и певиц. Даже такие великие артисты, как О. А. Правдин, начинали свою артистическую карьеру в этой оперетке. Кончали мы вечер, обычно направляясь целой гурьбой в ресторан гостиницы «Европа», где и веселились до рассвета. А. И. Сумбатов-Южин, тогда студент, начинавший писать стихи и пьесы, участвовал в ужинах, дававшихся артистам. Иногда приходилось, явившись в лагерь, немедленно садиться на лошадь, чтобы отправиться на учение. Бывали у нас фестивали и в лагере, они часто кончались дуэлями, ибо горячая кровь южан заражала и нас, русских.

Помнится мне один случай. Это был праздник, кажется, 2-го эскадрона. Так как наш полковой священник оставался в Царских Колодцах, то был приглашен протопресвитер Кавказской армии Гумилевский. Сели за стол очень чинно, но к концу обеда князь Чавчавадзе — и

барон Розен из-за чего-то поссорились, оба выхватили шашки и бросились друг на друга. Офицеры схватили их за руки и не допустили кровопролития. Но, в это время отец Гумилевский, с перепугу и не желая присутствовать при скандале, хотел удрать из этой обширной палатки, но застрял между полом и полотном настолько основательно, что мы были вынуждены его оттуда извлечь, посадить на извозчика и отправить домой. На рассвете состоялась дуэль между Чавчавадзе и Розеном, окончившаяся благополучно: противники обменялись выстрелами и помирились.

К сожалению, далеко не всегда эти нелепые состязания кончались так тихо; бывало много случаев бессмысленной гибели. Однажды и я был секундантом некоего Минквица, который дрался с корнетом нашего же полка фон Ваком. Этот последний был смертельно ранен и вскоре умер. Суд приговорил Минквица к двум годам ареста в крепости, а секундантов, меня и князя И. М. Тархан-Муравова, к четырем месяцам гауптвахты. Потом это наказание было смягчено, и мы отсидели всего два месяца. Подробностей этой истории я хорошо не помню, но причина дуэли была сущим вздором, как и причины большинства дуэлей того времени. У меня оставалось только впечатление, что виноват был кругом Минквиц, так как это был задира большой руки, славившийся своими

похождениями — и романическими и просто дебоширными. Хотя, конечно, это был дух того времени, и не только на Кавказе, и не только среди военной молодежи. Времена Марлинского, Пушкина, Лермонтова были от нас еще сравнительно не так далеки, и поединки, смывавшие кровью обиды и оскорбления, защищавшие якобы честь человека, одобрялись людьми высокого ума и образования. Так что ставить это нам, зеленой молодежи того времени, в укор не приходится.

Мы не блистали ни военными знаниями, ни любовью к чтению, самообразованием не занимались, и исключений среди нас в этом отношении было немного, хотя Кавказская война привлекла на Кавказ немало людей с большим образованием и талантами. Замечалась резкая черта между малообразованными офицерами и, наоборот, попадавшими в их среду людьми высокого образования; В этой же среде вертелось немало военных авантюристов вроде итальянца Корадини, о котором ходило много необыкновенных рассказов, или офицера Переяславского полка Ковако — изобретателя электрической машинки для охоты на медведей.

Война 1877–1878 гг.

В Турецкой войне 1877–1878 гг. я уже участвовал лично, в чине поручика, и был полковым адъютантом Тверского драгунского полка.

В 1876 году мы стояли в своей штаб-квартире в урочище Царские Колодцы, Сигнахского уезда, Тифлисской губернии. Много было толков о войне среди офицеров, которые ее пламенно желали. Однако никто не надеялся на скорое осуществление этой надежды. В особенности нетерпеливо рвались в бой молодые офицеры, наслушавшиеся вдоволь боевых воспоминаний от своих старших товарищей, участвовавших в турецкой войне 1853–1856 гг. и в кавказских экспедициях. И вдруг 2 или 3 сентября была получена командиром полка телеграмма начальника штаба Кавказского военного округа, в которой предписывалось полку немедленно двинуться через Тифлис в Александропольский лагерь. Трудно описать восторг, охвативший весь полк по получении этого известия. Радовались предстоящей новой и большинству незнакомой боевой деятельности (все почему-то сразу уверовали, что без войны дело не обойдется); радовались неожиданному перерыву в однообразных ежедневных занятиях по расписанию; радовались, наконец, предстоящему,

хотя бы и мирному, походу, который заменит собою скучную до приторности штаб-квартирную казарменную жизнь.

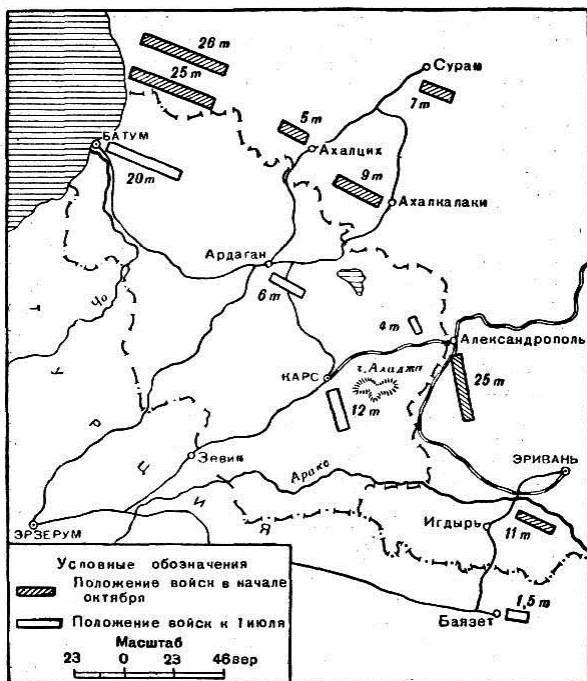

Схема I. Кавказский фронт русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

Часто впоследствии, когда приходилось переносить разные тяжкие невзгоды, вспоминалась нам наша штаб-квартира в радужном свете, но в то время, я уверен, не было ни одного человека в полку, который не радовался бы от всего сердца

наступившему военному времени.

Впрочем, нужно правду сказать, что едва ли кто-либо был особенно воодушевлен мыслью идти драться за освобождение славян или кого бы то ни было, так как целью большинства была именно самая война, во время которой жизнь течет беззаботно, широко и живо, денежное содержание увеличивается, а вдобавок дают и награды, что для большинства было делом весьма заманчивым и интересным.

Что же касается низших чинов, то, думаю, не ошибусь, если скажу, что более всего радовались они выходу из опостылевших казарм, где все нужно делать по команде; при походной же жизни у каждого — большой простор. Никто не задавался вопросом, зачем нужна война, за что будем драться и т. д., считая, что дело цареву — решать, а наше — лишь исполнять. Насколько я знаю, такие настроения и мнения господствовали во всех полках Кавказской армии.

6 сентября полк, отслужив молебен, покинул свою штаб-квартиру в составе четырех эскадронов; нестроевая же рота была оставлена в Царских Колодцах впредь до особого распоряжения, потому что все тяжести были оставлены на месте за неимением средств поднять их своими силами. Полковой обоз был у нас в блестящем состоянии, так как стараниями нашего бывшего полкового

командира барона Мейендорфа были изготовлены фургоны, как у немецких колонистов, на прочных железных осях; но у нас по мирному времени было всего пятнадцать подъемных лошадей, да и то весьма незавидных. а потому пришлось двинуться с места с помощью обывательских подвод и нагрузить строевых лошадей походными вьюками, забрав притом лишь самое необходимое на ближайшее время.

Стодвадцативерстное расстояние от Царских Колодцев до Тифлиса полк прошел в трое суток и в Тифлисе имел две дневки. После первого же перехода было обнаружено много побитых спин у лошадей; по прибытии о Тифлис оказалось, что побиты спины чуть ли не у половины лошадей полка, хотя большинство из них отделались небольшими ссадинами на хребте, у почек; эти ссадины скоро прошли бесследно. Виною была, конечно, малая сноровка людей, которые не умели ловко укладывать вещи в чемоданы и, приторачивая их к задней луке, недостаточно подтягивали, а кроме того, сами на походе болтались в седле.

Командир 1-го эскадрона майор князь Чавчавадзе просил и получил разрешение вместо чемоданов сделать своему эскадрону подушки, которые набивали вещами и клали на ленчик под попоной. Такой способ возки вещей практиковался

во время Кавказской войны во всех наших драгунских полках и был перенят у казаков. Другие эскадроны последовали примеру 1-го эскадрона, и мы всю кампанию проходили с такой укладкой вещей, оказавшейся действительно весьма практичной и удобной.

Лошади, не втянутые заблаговременно в работу, при первых относительно больших переходах в сильную жару (как упомянуто выше, мы прошли 120 верст в три перехода, без дневок, в обыкновенное же время проходили это расстояние в пять переходов с двумя дневками) спали с тела, осунулись.

Я остановился на этих мелочах потому, что тут немедленно сказалось неправильное обучение всадников и лошадей в мирное время, то есть погоня за красотой и блеском в ущерб боевому делу. Тому были виною не командир полка и не эскадронные командиры, которые, будучи старыми кавказскими офицерами, не могли симпатизировать таким приемам обучения, но, поневоле покоряясь требованиям свыше, с досадою отбрасывали боевой опыт и заменяли его обучением плацпарадным замашкам, которые всегда были так противны кавказцам. Результаты мирного воспитания нашего, как я упомянул, сказались тотчас же; потом нам пришлось пожинать еще много плодов этого воспитания и уже во время войны учиться и учить

старым сноровкам, брошенным по приказанию и потребовавшимся снова, как только мы столкнулись с боевой деятельностью.

9 сентября эшелон, состоявший из нашего полка и 5-й пешей батареи Кавказской гренадерской дивизии, двинулся из Тифлиса по Делижанскому шоссе в город Александрополь, куда и прибыл, согласно предписанному маршруту, 26 сентября.

На первом переходе батарея пошла между дивизионами драгун, хотя неприятеля, конечно, и предвидеться не могло около Тифлиса, да еще в мирное время. При таком порядке не замедлила подтвердиться пословица, что пеший конному не товарищ: пешая батарея совсем заморилась и все-таки отставала от головного дивизиона, который постоянно должен был останавливаться, чтобы дать подтянуться колонне; задний же дивизион шел черепашим шагом. К счастью, со второго перехода был изменен порядок движения, и батарея пошла отдельно; полк же старался развить шаг лошадей и достиг того, что, подходя к Александрополю, мы легко делали около семи верст в час, причем было обращено строгое внимание на то, чтобы хвост каждого эскадрона не рысил и не смел оттягивать. Шли мы без мундштуков, на трензелях.

В Александрополе нас встретил и пригласил к

себе на обед, как офицеров, так и нижних чинов, 154-й пехотный Дербентский полк, у которого мы и пировали почти целую ночь. Нечего говорить, что как большинство тостов, так и все разговоры были на тему «война», которую мы надеялись предпринять осенью же. Обычай встречи и угощения прибывающей воинской части какой-либо другой частью твердо укрепился тогда в кавказских войсках; такие две части называли себя кунаками, то есть друзьями. Обычай этот имеет великий смысл в боевом отношении, так как такие части-кунаки не только не покинут друг друга в бою, но и приложат все силы, чтобы помочь друг другу и выручить, будь то на поле брани, в походе или в лагере.

В начале октября был отдан приказ о формировании действующего корпуса на кавказско-турецкой границе ¹⁵ и о назначении командующим корпусом генерал-адъютанта Лорис-Меликова. В день своего прибытия он произвел войскам лагеря тревогу, а после церемониального марша собрал вокруг себя всех

¹⁵ Корпус составил из главных сил, находившихся в Александрополе, Эриванского отряда генерал-лейтенанта Тер-Гукасова и Ахалцыхского отряда генерал-лейтенанта Девеля. — А.Б.

офицеров и сказал соответствующую случаю речь. Мы ей очень обрадовались, так как, во-первых, могли из нее заключить, что дело положительно клонится к войне, которой мы очень желали, а во-вторых, нам было объявлено о выдаче полугодового оклада жалованья сверх нормы и о переходе на довольствие по военному положению.

Вскоре после того кавалерия действующего корпуса получила новую организацию: Кавказская кавалерийская дивизия, состоявшая из четырех драгунских полков, была расформирована, и были составлены три сводные кавалерийские дивизии. 1-я и 3-я дивизии состояли из одного драгунского и четырех казачьих полков, а 2-я — из двух драгунских и трех казачьих. Начальником кавалерии был назначен генерал-майор князь Чавчавадзе, а начальниками дивизий: 1-й — свиты его величества генерал-майор Шереметьев, 2-й — генерал-майор Лорис-Меликов и 3-й — генерал-майор Амилахвари (3-я дивизия была в Эриванском отряде).

Одновременно с этим было приказано усиленно готовиться к зимней кампании. Началась усиленная покупка полушубков для нижних чинов, насколько мне помнится, по высокой цене и с большими затруднениями. Интендантство же доставило в наш полк всего лишь около ста полушубков довольно плохого качества. Началась

также покупка обозных лошадей для укомплектования их по военному времени; на каждую обозную лошадь отпущено было казной 100 рублей, и покупка этих лошадей не составила никакого затруднения.

26 октября объявлена была дислокация войск действующего корпуса для расположения на зимних квартирах.

1-й кавалерийской дивизии выпало на долю зимовать в духоборских селениях и армянских аулах пограничного Ахалкалакского уезда. Тверской драгунский полк, вошедший в состав этой дивизии, выступил из Александрополя 29 октября и прибыл на свои зимние квартиры 1 ноября.

На зиму полк разместился в трех духоборских Деревнях. Стоянка была сносная в отношении расположения людей и лошадей, но по причине сильных холодов и метелей, а главное, по привычке добиваться тучных тел у лошадей, в ущерб их выносливости и силе, поездки не делались. Рассуждали так: будет война или нет — бабушка надвое сказала, а, во всяком случае, на военном смотре лошадей нужно показать наподобие бочек, а то, пожалуй, въедет порядком. Такой взгляд совершенно не разделял наш новый начальник дивизии, но его требования были нам еще мало известны. Эскадронные командиры не могли так быстро переменить привычек, усвоенных в мирное

время, и хотя на словах вполне соглашались с мнением, что лошадь, хорошо кормленная, требует и хорошей езды, но на деле как-то так выходило, что друг перед другом они не могли не хвастаться телами лошадей и старались перещеголять других в этом именно направлении.

Тут еще раз наглядно подтвердилась истина, о которой так много говорят и пишут и которая все-таки забывается по миновании необходимости: в мирное время от войск нужно требовать непременно и исключительно только того, что необходимо им в военное время. Эта забывающаяся истина впоследствии очень часто напоминала о себе, и много раз мы проклинали наши мирные методы обучения.

К январю 1877 года полк был приведен в материальном отношении в блестящее положение. Оставшаяся часть полкового обоза и необходимые тяжести прибыли к полку из Царских Колодцев в декабре, так что мы могли тронуться в поход по данному приказанию тотчас же.

1 апреля, по телеграмме командующего, полк выступил в Александрополь усиленным маршем, в два перехода. Погода была ненастная; громадные сугробы таявшего снега препятствовали движению обоза, Поэтому полк, прибывший своевременно к месту назначения, два дня оставался без обоза. К этому же времени все войска главных сил были

стянуты к Александрополю. 11 апреля, хотя нам никто ничего не объявлял, разнесся слух, что 12-го будет объявлена война и что мы в ночь на 12-е перейдем границу. В 7 часов вечера весь лагерь, по распоряжению корпусного командира, был оцеплен густой цепью с приказанием никого в город из лагеря не выпускать, а затем в 11 часов вечера все полковые адъютанты были потребованы в штаб корпуса, и там нам продиктовали манифест об объявлении войны и приказ командующего корпусом, в котором значилось, что кавалерия должна перейти границу в 12 часов ночи. Так как оставалось всего полчаса до 12 часов, то я поскакал в свой лагерь для объявления этой новости. Я застал лагерь уже собранным и всех готовившимися к выступлению. Кто, когда и как успел это объявить — оказалось невозможным узнать; сам командир полка полковник Новрузов удивлялся, почему полк собирается.

Выступили мы в 12? часов ночи и быстро подошли к турецкой казарме, стоявшей на правом берегу Арпачая. Ночь была темная. Река оказалась в полном разливе. Мы переправились частью вброд и частью вплавь. Турки крепко спали, и нам стоило больших усилий разбудить их и потребовать, чтобы они сдались в плен. После некоторых переговоров турки, видя себя окруженными, исполнили наше требование и сдались без единого выстрела вместе

со своим бригадным командиром. Другая наша колонна так же успешно выполнила возложенное на нее поручение. Мы взяли тогда в плен больше сорока суваров (турецкие драгуны) и сотню турецкой конной милиции со значком.

Сделав около 60 верст в первый день перехода границы, полк остановился на ночлег в селе Кизил-Чах-Чах. После этого 1-я Кавказская кавалерийская дивизия, в состав которой мы входили, начала снимать неприятельские посты по Арпачаю, не удаляясь внутрь страны. К вечеру стало известно, что турецкий отряд из трех родов войск стоит верстах в двадцати от нас. Начальник дивизии послал разведку в сторону противника, а дивизию расположил биваком около какого-то турецкого селения, названия которого я не помню. К пяти часам утра, когда нам приказано было выступить, разведка точно выяснила, что турецкий отряд со своего бивака снялся и спешно отступил к Карсу. Мы двинулись за ним, но догнать его не могли.

Подойдя к Карсу, мы узнали, что значительный отряд турецких войск выступил из Карса в Эрзерум и что с этим отрядом ушел главнокомандующий Анатолийской армией Мухтар-паша. Обойдя вокруг крепости Карс, на что потребовалось много времени, мы погнались за Мухтар-пашой. Взяли много оставших турецких

солдат, часть их обоза, но догнать самый отряд не могли и заночевали у подножия Саганлукского хребта, с тем чтобы на другой день вернуться к Карсу. В окрестных селениях турки встречали наши войска угрюмо и молча, армяне же с восторгом. Когда мы выступили из Александрополя, у нас было взято на двое суток сухарей и больше ничего. А так как шли уже третьи сутки после нашего выступления, то приказание «растянуть» не могло быть выполнено, ибо уже все сухари были съедены. Лазаретный фургон и обоз сбились с дороги и попали в руки шайки башибузуков, которые убили и изуродовали нескольких солдат. Все эти жертвы были ни к чему, так как Мухтар-паша успел удрать в горы и скрылся в лесу. Ночью был сильный холод, огней разводять не позволяли, и мы были очень злы. Вместо Мухтар-паши взяли нескольких отставших пленных с оружием, часть обоза и патронных ящиков.

На рассвете следующего дня выступили обратно, но, проходя мимо карских укреплений, наткнулись на засаду, намеревавшуюся преградить путь к нашим главным силам. При стычке, насколько мне помнится, мы потеряли одного или двух солдат, засаду опрокинули и вернулись к востоку от Карса, где встретились с нашей пехотой. Помнится мне, 26 апреля было донесено главному командованию, что большие стада быков пасутся за

северным фронтом Карса. Туда была отправлена бригада кавалерии, состоявшая из Тверского полка и, кажется, казачьего Горско-Моздокского. Скота мы не нашли, но зато встретились с производившим вылазку из Карса турецким отрядом, состоявшим из пехоты, артиллерии и кавалерии. Турецкая пехота цепями начала наступать на нас. Наш полк спешился и открыл по ней ружейный огонь. Тогда турки открыли орудийный огонь. У нас появились убитые и раненые офицеры и солдаты. Ввиду наличия перед нами значительных турецких сил приказано было отступать, посадив спешенные части опять на лошадей.

Я ехал за своим полковым командиром, шагах в десяти от него, как вдруг со страшным воем неприятельский снаряд упал между командиром полка и мною и разорвался. Лошадь полковника Новрузова сделала большой скачок, оборвав все четыре повода, понесла его и врезалась в третий эскадрон, где ее и словили. Моя лошадь от испуга опрокинулась навзничь, и я вместе с ней упал на землю. Затем она вскочила и ускакала. В это время весь наш отряд тронулся рысью, и я, чтобы не попасть в плен, побежал по пахотному полю. Когда я увидел моего трубача, изловчившегося поймать мою лошадь, я несказанно обрадовался, быстро вскочил на нее и понесся догонять свое начальство. На этом, собственно, и кончился наш бой с

турками, вернувшись в Карс.

Постепенно Карс охватывался нашими войсками, и скоро мы его обложили со всех сторон. Вскоре подвезли осадную артиллерию, и началась первая осада крепости.

Время это для нас было очень беспокойное. Ежедневно турки делали вылазки; тогда кавалерию вызывали вперед, и мы должны были на рысях в разомкнутом порядке доходить под сильным артиллерийским огнем до ближайших фортов, никогда не сталкиваясь с неприятелем, теряли при этом людей и возвращались назад. Помнится мне следующий случай. Некий майор Артадуков, увидев неприятельскую батарею, стоявшую на открытом поле, развернул свой дивизион и, бросившись на нее в бешеную атаку, прогнал ее, но доскакать до батареи вплотную не смог, так как перед ней оказалась громадная балка с очень крутыми берегами, по которым он спуститься не мог. Увидев, что батарея удирает и, таким образом, цель достигнута, он скомандовал: «Повзводно налево кругом!» Во время этого поворота крепостная граната из Карса попала во взвод эскадрона, причем были убиты все лошади взвода, но ни один человек не был ранен. Граната, ударив по голове правогофланговой лошади и спускаясь ниже, у последней лошади во взводе оторвала копыто. Я никогда более такого случая в жизни не

видел.

Мы называли эти вызовы кавалерии к Карсу «выходами на бульвар», и этот «бульвар», признаться, нам порядочно надоел.

Вскоре наш полк переместился с восточной на западную сторону Карсской долины. В это же время двинули и отряд, состоявший, насколько мне помнится, из Кавказской гренадерской дивизии, 2-й сводной казачьей дивизии с соответствующей артиллерией, на Саганлукский хребет по дороге в Эрзерум против турецкого отряда, шедшего для выручки Карса. Наша атака при Зевине оказалась неудачной, и наши войска стали отступать.

Когда я думаю об этом времени, я всегда вспоминаю забавный и вместе с тем печальный эпизод с талантливейшим корреспондентом петербургской газеты (кажется, «Нового времени») Симборским. Он приехал в Кавказскую армию воодушевленный лучшими намерениями. Завоевал все симпатии своими горячими, прекрасными корреспонденциями, своим веселым нравом и остроумием. Но после неудач у Зевина нелегкая дернула его написать экспромтом стихи по этому поводу. Они стали ходить по рукам и всех нас несказанно веселили. Вот эти стихи, насколько я их помню:

ЧЕРТОВА ДЮЖИНА

Под трубный звук, под звон кимвалов
В кровавый бой, как на парад,
Пошли тринадцать генералов
И столько ж тысячей солдат.

Был день тринадцатый июня;
Отпор турецкий был не слаб:
Солдаты зверем лезли втуне —
Тринадцать раз наврал наш штаб.

Под трубный звук, под звон кимвалов
С челом пылающим... назад...
Пришли тринадцать генералов,
Но... много менее солдат...

Громы и молнии понеслись на бедного Симборского от высшего начальства. Особенно был обижен генерал Гейман ¹⁶, отличившийся под Ардаганом и сплеховавший под Зевинном. Симборский во время одной пирушки опять

¹⁶ Генерал Гейман был сын барабанщика-еврея. Чтобы в то время прославиться и дослужиться до больших чинов, ему нужно было быть исключительно талантливым и умным человеком. — А. Б.

обмолвился по его адресу:

Прощай, друзья. Схожу с арены,
Отдаться силе все должны,
Я гибну — жертвою измены...
Измены — счастья войны.

Из шутки, сказанной вполпьяна,
Устроить пошлость и скандал
Не смог бы витязь Ардагана,
Сумел зевинский генерал.

После этого судьба нашего веселого, талантливого журналиста-корреспондента была решена окончательно: его выслали из пределов Кавказской армии, и русская публика была лишена возможности читать правдивые и талантливые статьи о войне.

Вслед за тем выяснилось, что наш отряд, обложивший Карс, должен снять осаду и уходить, что и было сделано очень искусно и спокойно. Турки заметили наше отступление, лишь когда мы окончательно ушли. Мы отошли перехода на два назад и стали на месте, где в прошлую войну, в 1854 году, было сражение при Кюрюк-Дара. Нам было указано, где войска должны остановиться в случае наступления турок, и обозначены позиции, которые каждая часть войск должна занимать. Но

мы эти позиции не укрепляли, относясь к туркам слишком свысока, чтобы в их честь рыть землю. Турки наступали по горам очень осторожно. Мы же беспечно шли внизу по долине, нисколько не беспокоясь. Когда мы остановились, они тотчас же остановились над нами и закрепились. В таком положении мы простояли довольно долго друг против друга.

В это время Эриванский отряд генерала Тер-Гукасова также потерпел неудачу и отошел в деревню Игдырь, где и остановился. Там русские совершенно так же стояли внизу, а на горных высотах над ними стояли турки. Решено было начать наступление Эриванским отрядом, а потому к нему в подкрепление послали бригаду конницы (в которую входил наш полк и, кажется, Кизляро-Гребенский казачий) под начальством генерал-майора князя Щербатова.

Этот князь был в своем роде «оригинал». Он всегда говорил: «Я люблю, чтобы вверенная мне часть была всегда сыта и довольна, и я ей эту сытость устрою на счет жителей». К счастью для последних, они по дороге в Эриванский отряд не попадались, ибо мы шли по совершенно обнаженной равнине, где решительно ничего не было.

В три перехода мы дошли до Игдыря, где и расположились. Тут мы простояли довольно долго

(месяца полтора), ничего не предпринимая. Раз только турки сами перешли в наступление, и, вероятно, не особенно охотно; они стали медленно спускаться с гор. Все войска по тревоге выступили и заняли назначенные им позиции. В нашей бригаде артиллерии не было, но была ракетная батарея, которая вместе с артиллерией нашей пехоты и открыла огонь по спускавшимся туркам. Турки остановились, а затем спешно удрали обратно в горы, чем это дело и кончилось.

К концу лета наша бригада была отозвана назад в главный отряд, чему мы очень обрадовались, так как в Игдыре мы находились без обоза, и большинство из нас имели на себе только одну рубашку. При той страшной жаре, которая летом обычна в этом крае, это обстоятельство было мучительно. Обыкновенно мы делали так: раздевались догола и садились под бурку, а белье кипятили в котелке, затем вывешивали на солнце. Плохо было и с пищей. В то время походных кухонь не существовало. Когда войска стояли на месте, то они варили себе пищу в котлах. Когда же войска находились в движении или без обоза, как мы, то продукты раздавались по рукам, и каждый варил себе, что мог. В этом отношении солдаты и офицеры страдали одинаково.

Тем же порядком мы вновь вернулись в главный отряд. Мы очень удивились, что застали

войска отряда в другом положении, чем в то время, когда мы его оставили. Оказалось, что накануне нашего прибытия турки атаковали своими главными силами наш отряд, сбили его и заставили несколько отступить. Это всех очень сердило, и все серьезно обижалось на врагов, что «те осмелились нас атаковать». В таком презрении мы держали тогда турок! Прибыв в Башкадыклярский лагерь, мы расположились на назначенных нам местах и вошли в курс обыкновенной жизни в лагере. Каждый день один дивизион ходил в сторожевое охранение, а другой отдыхал. Иногда же мы делали экскурсии в сторону врага.

Так наши части и турки стояли Друг против друга до конца сентября. За это время к нам подошло подкрепление: 1-я гренадерская дивизия, два оренбургских казачьих полка и разные другие части, наименования которых я не помню.

Наконец мы перешли в наступление, причем одна часть ударила по противнику с фронта, а другая, сильнейшая, вышла ему в тыл. Таким образом, противник был разрезан пополам. Та часть, которая была отрезана нами, сдалась и положила оружие. Другая же часть бежала в крепость Карс, где и спряталась.

3 октября, когда это совершилось, со мной произошел такой случай. Наш полк выступил 2 октября вечером совместно с целой колонной

пехоты и артиллерии. Мы шли всю ночь и к рассвету подошли к горе Авлиар, которая была в центре неприятельской позиции. На нее пошел в атаку 1-й Кавказский стрелковый батальон и быстро овладел этой сильной позицией. В то же время турки начали продвигаться своим фронтом к Авлиару, и нашему полку было приказано пройти рысью к оврагу, который отделял Авлиар от остальной турецкой позиции, и спешиться у оврага. Командир полка приказал мне поскакать вперед и выбрать место для этого. Я поскакал, но не успел приблизиться к нужному месту, как лошадь моя внезапно сделала неестественный скачок и упала мертвой. Я остался цел. Чтобы выполнить назначенную мне задачу, я приказал трубачу, меня сопровождавшему, спешиться, а мне дать свою лошадь и поскакал дальше.

Вскоре подошедший полк спешился в указанном мною месте, и солдаты, побежав вперед, заняли цепью край оврага. Турки, спустившиеся было уже вниз, бросились обратно и заняли густою цепью другую сторону оврага. Цепи лежали друг от друга шагах в двухстах; огонь был развит очень сильный, пули перелетали через наших стрелков и попадали в наших несчастных лошадей, но, конечно, и часть людей сильно пострадала.

Случайно я спас своим советом одного из штаб-офицеров, майора Гриельского, который лег

рядом со мной. На этом месте было много плоских камней. Один из них я поставил перед своей головой и посоветовал майору Сделать то же самое. Только что он выполнил мой совет, как пуля ударила по этому камню и свалила его. Не будь этого, Гриельский был бы убит наповал.

Лошади в течение суток ничего не пили и изнемогали от жажды, поэтому полку было приказано отправиться к нашему лагерю, так как это было ближайшее место для водооя. После водооя мы сейчас же вернулись. Но за время нашего отсутствия войска отступили от того места, где стояли раньше, и вели усиленный бой у возвышенности, именуемой Кабахтана. Нас поставили в резерве за ней. Затем весь боевой порядок двинулся вперед, и мы расположились на ночь на тех местах, которые занимали утром.

На рассвете другого дня мы продолжали атаку противника, опрокинули его и прогнали к Карсу. Артиллерийский огонь карских укреплений остановил наше наступление. Тут мы приступили ко второй осаде Карса, окружив его со всех сторон. Наш полк расположился с западной стороны Карса. Доставили опять дальнобойную артиллерию, которая и стала обстреливать вновь карские форты. Помнится мне, что 24 октября турками была произведена большая вылазка, в отражении которой участвовал и наш полк. Впрочем, он ничего

особенного в этот раз не сделал. Отличились же, насколько мне помнится, тифлисские гренадеры, которые взяли штурмом одно из главных укреплений Карса — Хафис-Паша. Впрочем, в эту же ночь они должны были этот форт очистить, так как он находился под обстрелом цитадели и всех фортов Карса. Этот эпизод, однако, показал, что турки — уже не те вояки, что прежде. Надо думать, поэтому и было решено попробовать взять крепость штурмом.

Штурм был назначен на ночь с 5 на 6 ноября. Было распределено, какие части какие форты штурмуют, а вся кавалерия была расположена на Эрзерумской дороге, так как это был единственный путь отступления для карсского гарнизона. Штурм начался вечером, как только стемнело, и, по получавшимся сведениям, форты Карса один за другим попадали в наши руки. К рассвету выяснилось, что все форты взяты, а громадная колонна турок, выбитая из крепости, направляется по Эрзерумской дороге. Тут-то кавалерия и начала действовать, атакуя турок на ходу.

Наш полк попал в такое положение. Увидев перед собой турецкую колонну, он готовился ее атаковать и уже выстроил фронт, когда из этой колонны качали махать руками, шапками, чтобы мы подошли к ним. В то же время другая колонна вышла нам в тыл, и мы опасались, что попали меж

двух огней, как вдруг и оттуда стали кричать и звать нас, чтобы мы подошли и забрали их. Командир полка отправил по два эскадрона к каждой из этих колонн, и они обе нам сдались. Из расспросов пленных выяснилось, что из крепости турки потому только и уходили, что войска, штурмовавшие Карс, брали в плен неохотно и предпочитали уничтожать пленных. Поэтому турки, выбитые из крепости, предпочитали выходить и сдаваться кавалерии. Действительно, рассматривая положение турок, нужно сознаться, что у них другого выхода не было: до Эрзерума было не менее трех-четырёх переходов, вышли они в одних своих куртках, без всякого обоза, и в таком одеянии, без пищи, по колено в снегу пройти им до Эрзерума было бы невозможно.

К утру окончательно выяснилось, что Карс со всеми своими укреплениями и цитаделью, со всей многочисленной крепостной артиллерией и всеми запасами был нами взят. Вскоре после этого было получено известие, что часть войск Александропольского отряда и весь Эриванский отряд под общим начальством генерал-лейтенанта Геймана разбили турецкую армию у Деве-Бойну. Таким образом, противника больше в Малой Азии не оказывалось, и оставались только незначительные силы, спрятавшиеся в крепости Эрзерум, которая штурмовалась войсками Геймана,

но неудачно.

Эрзерумский отряд после неудачного штурма отошел от крепости и, тесно блокируя, стал осаждать ее. Что касается нашего Александропольского отряда, бравшего Карс, то мы были распущены на зимние квартиры, причем наш полк попал на наши старые места — в Джалол-Оглы, Воронцовку и Покровку. Я сдал должность полкового адъютанта и был назначен начальником полковой учебной команды, которую на зиму вновь собрали. Офицеры по очереди ездили в отпуск в Тифлис, и полк вообще расположился по мирному времени. У нас было затишье, тогда как в Дунайской армии война продолжалась. Читали мы в газетах о взятии Плевны, о выигранном сражении под Шипкой, о быстром приближении наших войск к Андрианополю, который и был взят без боя, о приближении нашего авангарда к Сан-Стефано. Вообще было ясно, что война кончается. 19 февраля мир был подписан, а в марте нашему полку со всей 1-й кавалерийской дивизией было приказано идти в Эрзерум, который, по мирным условиям, был нам сдан. Прибыли мы в Эрзерум к апрелю и были поставлены перед ним по дороге на Трапезунд, который был занят турецкими войсками.

После заключения мира мы стояли на оккупации довольно свободно. В начале сентября 1878 года было получено известие, что турецкий

отряд из трех родов войск прибудет в Эрзерум для принятия его от нас. В назначенный день навстречу ему был послан как бы почетный караул, состоявший из эскадрона драгун от нашего полка, батальона пехоты и одной батареи. Мы выстроились развернутым фронтом вдоль дороги и ждали приближения турецкого отряда. Сколько помню, он состоял из пяти-шести батальонов пехоты, трех-четырех эскадронов кавалерии и двух-трех батарей артиллерии.

Увидав нас, турки остановились в нерешительности. не отдавая себе отчета, для чего мы вышли к ним навстречу. Тогда генерал Шереметьев послал своего переводчика доложить начальнику турецкого отряда, какому-то паше, что часть русской армии вышла им навстречу для отдания им чести и что он просит их двигаться смело вперед. Наши музыканты начали играть какой-то марш, а офицеры салютовали шашками. Турецкие войска прошли мимо нас, имея довольно хороший вид. Очевидно, это были лучшие турецкие части. Но нам показалось странным, что в конце турецкой колонны, впереди войскового обоза, ехало несколько карет, в которых сидели турецкие дамы, очевидно жены начальствующих лиц. Они нами очень заинтересовались, высовывались из окон экипажей и жадно на нас смотрели. Кареты их были запряжены быками, что нас тоже очень поразило.

Когда шествие это кончилось, мы вернулись в свой лагерь, а на другой день выступили обратно через Карс в свои пределы. Эту зиму мы провели опять в Джалол-Оглы и его окрестностях, но на совершенно мирном положении.

Служба в Петербурге

В сентябре 1879 года мы вернулись через Тифлис в Царские Колодцы, где и заняли свои прежние казармы. Мне надоело все одно и то же, и после войны начинать опять старую полковую жизнь я находил чрезмерно скучным. Поэтому следующим летом я постарался уехать на воды в Эссентуки и Кисловодск, так как чувствовал себя не совсем здоровым. В то время готовилась экспедиция в Теке. Я был назначен в состав этой экспедиции и хотел поправиться настолько, чтобы здоровье не помешало мне принять в ней участие. К сожалению, это не удалось. Я заболел, и наш начальник дивизии, генерал Шереметьев, бывший также в Эссентуках, потребовал меня к себе и заявил, что не находит возможным разрешить мне ехать в экспедицию. Я донес командиру полка решение начальника дивизии и взял свое первоначальное заявление обратно. Экспедиция должна была отправиться в июле. Я же оставался на водах до осени. после чего вернулся в полк,

который в то время был в двухэскадронном составе, ибо первый дивизион ушел в Ахал-Теке. Мое здоровье плохо поправлялось, я все еще болел, но тем не менее нес службу, заведуя полковой учебной командой, за что был представлен в производство в чин ротмистра.

До 1881 года я продолжал тянуть лямку в полку, жизнь которого в мирное время, с ее повседневными сплетнями и дразгами, конечно, была мало интересна. Разве только охота на зверя и птицу — великолепная, обильная, в чудесной горной лесистой местности — несколько развлекала.

Я решил поступить в Кутаисский иррегулярный конный полк, состоявший из туземцев Кутаисской же губернии. Но в это время командир Тверского полка предложил мне поступить в переменный состав Офицерской кавалерийской школы, находившейся в Петербурге. Я принял это предложение, предполагая, что после этого вернусь в свой полк.

Но вышло так, что я остался в Петербурге, так как в 1883 году мне было предложено зачислиться в конно-гренадерский полк и оставаться в постоянном составе Офицерской кавалерийской школы. Вследствие этого, силою судеб, я остался в Петербурге и на много лет поселился на Шпалерной улице, близ Смольного монастыря, в

Аракчеевских казармах, низких и приземистых, представлявших громадный контраст чудной природе Кавказа, который с тех пор я окончательно покинул. Петербург был мне все же близок, так как я в нем воспитывался и считал его родным.

Я был зачислен адъютантом школы, начальником которой в то время был генерал И. Ф. Тутолмин. Но вскоре он был назначен начальником Кавказской кавалерийской дивизии, а начальником школы был назначен В. А. Сухомлинов, тогда еще полковник. Я в это же время был назначен начальником офицерского отдела Офицерской кавалерийской школы. В этой должности я часто производил различные набег и кавалерийские испытания, и жизнь моя наполнилась весьма интересовавшими меня опытами кавалерийского дела. В этот период в течение нескольких лет я также ведал ездой пажей, для чего приезжал в Пажеский корпус, где в манеже давал уроки езды. Отношения с молодыми людьми у меня были самые товарищеские.

В 1884 году я женился на племяннице Карла Максимовича Гагемейстера, моего названного дяди, Анне Николаевне фон Гагемейстер. Этот брак был устроен согласно желанию моего дяди, ввиду общих семейных интересов. Но, несмотря на это, я был очень счастлив, любил свою жену горячо, и единственным минусом моей семейной жизни были

постоянные болезни и недомогания моей бедной, слабой здоровьем жены. У нее было несколько мертворожденных детей, и только в 1887 году родился сын Алексей, единственный оставшийся в живых.

Все эти годы моей петербургской жизни протекали в кавалерийских занятиях Офицерской школы, скачках, всевозможных конкурсах, парфорсных охотах, которые позднее были мною заведены сначала в Валдайке, а затем в Поставах, Виленской губернии. Считаю, что это дело было поставлено мною хорошо, на широкую ногу, и принесло значительную пользу русской кавалерии. Охоты эти производились с большими сворами собак, со строевыми лошадьми, прекрасно выдержанными, проходившими громадные расстояния без всякой задержки. Время это — одно из лучших в воспоминаниях многих и многих кавалеристов, и сам я вспоминаю эти охоты — создание моих рук — с большой любовью и гордостью, ибо много мне пришлось превозмочь препятствий, много мне вставляли палок в колеса, но я упорно работал, наметив себе определенную цель, и достиг прекрасных результатов.

В школе я тогда читал офицерам лекции по теории езды и выездки лошадей. Но все эти кавалерийские интересы не поглотили меня всецело. Я читал военные журналы, множество

книг военных специалистов, русских и иностранных, и всю жизнь готовился к боевому делу, чувствуя, что могу и должен быть полезен русской армии не только в теории, но и на практике. Я говорил об этом давно близким людям, и многие это понимали.

Семейная моя обстановка в эти годы была следующая. Жена моя происходила из лютеранской семьи, и имение ее брата было расположено в Эстляндской губернии, недалеко от Ревеля. У меня были очень хорошие отношения с семьей моей жены, но по своим чисто русским, православным убеждениям и верованиям я несколько расходился с ними. Моя кроткая и глубоко меня любившая жена с первых же лет нашего брака пошла за мной и по собственному желанию приняла православие, несмотря на противодействие ее теток, очень недовольных тем, что она переменяла религию. Впрочем, это не помешало нам поддерживать самые дружеские отношения со всей ее семьей. Почти каждую осень после лагерного сбора мы проводили некоторое время у них в деревне, за исключением тех лет, когда ездили за границу. Посещали мы обыкновенно Германию и Францию, как-то прожили лето в Аркашоне, откуда я один съездил в Испанию, в Мадрид.

В общем, могу сказать, что первый мой брак был безусловно счастлив. Смерть детей, ранняя

кончина жены глубоко меня потрясла. Последние годы своей страдальческой жизни жена была все время больна и почти не покидала постели. Скончалась она в 1908 году.

Я остался один с сыном своим Алексеем, который в то время кончил Пажеский корпус и вскоре вышел корнетом в лейб-гвардий Конно-гренадерский полк. Любил я его горячо, но отцом был весьма посредственным. Окунувшись с головой в интересы чисто служебные, я не сумел приблизить его к себе, не умел руководить им. Считаю, что это большой грех на моей душе.

Кроме сына около меня в то время было два младших брата с семьями.

Мы все жили дружно, и семейные наши события всегда были близки одинаково нам всем, хотя часто мы жили в разных местах и виделись редко. По характеру, образу жизни и служебным интересам все три брата были весьма различны.

В девяностых годах прошлого столетия я был назначен помощником начальника Офицерской кавалерийской школы. Начальником школы был в то время генерал-майор Авшаров. Он был человек с виду добродушный, но с азиатской хитрецой и, не знаю, вследствие ли старости или свойств характера не отличался особым рвением к службе и везде, где мог, старался доставить мне неприятности и затруднения. В сущности, во внутреннем порядке

школы всем управлял я, а он был как бы шефом, ничего не делающим и буквально бесполезным. Он старался как будто бы и дружить со мной, но одновременно выказывал большую хитрость, заявляя всем начальствующим лицам, а в особенности великому князю Николаю Николаевичу, что управляет всей школой он и что ему необыкновенно трудно управлять мною и моими помощниками. Великий князь Николай Николаевич отлично знал, в чем дело, но благодаря генералу Палицыну, его начальнику штаба, считал нужным терпеть Авшарова и дальше.

Лично меня это нисколько не устраивало, и поэтому в один прекрасный день я написал генералу Палицыну письмо, в котором изложил, что я не настаиваю на том, чтобы меня назначили начальником школы, но прошу о назначении меня командиром какой-либо кавалерийской бригады, так как не считаю возможным оставаться на должности помощника начальника школы и нести все его обязанности, не имея никаких прав и преимуществ по службе. Об этом я просил его доложить и великому князю.

Оказалось, как мне это было впоследствии сообщено, великий князь все время настаивал, чтобы я был назначен начальником школы, и что это был каприз Палицына — сохранить такое невозможное положение. В скором времени после

этого Авшаров был смещен и назначен состоящим в распоряжении великого князя, а я был назначен начальником школы. При этом Николай Николаевич мне сказал, что более бездеятельного и бесполезного человека, чем Авшаров, он никогда в жизни не встречал и что отнюдь не он виноват в том, что Авшарова так долго держали на этом месте.

Вскоре затем, по выбору Николая Николаевича, я был назначен начальником 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. Она считалась лучшей и, конечно, была балованным детищем Николая Николаевича. В ней числились следующие полки: лейб-гвардии конно-гренадерский, лейб-гвардии уланский, лейб-гвардии гусарский, лейб-гвардии драгунский и гвардейский запасный десятиэскадронный кавалерийский полк; кроме того, в этой дивизии числился 2-й дивизион гвардейской конно-артиллерийской бригады. Командирами полков были следующие лица: В. Х. Рооп, А. А. Орлов, Б. М. Петрово-Соловово и герцог Г. Г. Мекленбургский. Каждый из них имел свои хорошие и дурные стороны, но со всеми у меня были прекрасные отношения. Все мне верили и считали необходимым стараться угождать мне в той или иной степени.

Рооп, человек очень красивый, изящный, корректный, выдержанный, в своем полку почти

никакой роли не играл, и корпус офицеров его почему-то не любил. Что касается Орлова, то он, наоборот, имел громадное влияние на офицеров своего полка, и все они очень уважали и любили его. Он сильно пил, и даже эта страсть не мешала любви офицеров к нему, а, напротив, как бы увеличивала эту любовь; бывали случаи, когда офицеры скрывали от высших начальствующих лиц его дебоши. Наружность его была исключительно красивая. Он на моих глазах буквально сгорел, будто сжигаемый внутренним огнем отчаяния и горя. Это тот самый Орлов, о котором передавали легенды романического характера. Я уверен, что ничего грязного тут не было и не могло быть, но что им увлекались — это верно. Отчасти благодаря этим увлечениям, вернее, одному из увлечений он и погиб. Заболев скоротечной чахоткой, он был отправлен в Египет, но не доехал туда, умер в пути. Я чрезвычайно сожалел о ранней его смерти.

Командир гусарского полка Петрово-Соловово был честнейший и откровеннейший человек; я очень его любил. Не знаю, где он и что с ним случилось. Что касается герцога Мекленбургского, то он в мое время закончил командование своим полком и вскоре затем скончался. Герцог был большой чудаки, и как он ни старался быть хорошим полковым командиром, это ему не удавалось. Он был очень

честный, благородный человек и всеми силами старался выполнять свои обязанности. Женат он был на очень умной и энергичной женщине — Наталии Федоровне Вонлярской (графиня Карлова); она много способствовала смягчению странностей его характера.

Сдал он лейб-драгун при мне графу Келлеру, известному своим необычайным ростом, чванством и глупостью. Келлер был человек с большой хитрецей и карьеру свою делал ловко. Еще когда он был командиром Александрийского гусарского полка, в него была брошена бомба, которую он поймал на лету и тем спасся от верной смерти. Он был храбр, но жесток, и полк его терпеть не мог. Женат он был на очень скромной и милой особе, княжне Марии Александровне Мурузи, которую все жалели. Однажды ее обидели совершенно незаслуженно благодаря ненависти к ее мужу. Это было в светлый праздник. Она объехала жен всех офицеров полка и пригласила их разговляться у нее. Келлеры были очень стеснены в средствах, но долговязый граф стремился задавать шик (чтобы пригласить всех офицеров гвардейского полка разговляться, нужно было очень потратиться). Хозяева всю ночь прождали гостей у роскошно сервированного стола и дождались только полкового адъютанта, который доложил, что больше никого не будет.

Затем распространились слухи, что офицеры решили побить своего командира и бросили жребий, кому выпадет эта обязанность. Об этом мне доложил командир бригады, также бывший лейб-драгун, барон Нетель-горст. Я от него и узнал, что главным воротилой в этом деле был полковник князь Урусов, старший штаб-офицер полка. Я его потребовал к себе по делам службы, сказал, что я знаю о подготовляемом в полку скандале, и заявил ему официально, что скандала я не допущу и что в этом случае он первый пострадает, ибо я немедленно доложу великому князю, что он — первый зачинщик в этом деле, и попрошу об исключении его со службы. Урусов этого никак не ожидал и до того растерялся, что мне стало даже жаль его. Но тем не менее эта мера привела к тому, что в полку, хотя бы временно, все успокоилось.

Вскоре после этого великий князь Владимир Александрович, бывший шефом этого полка, пригласил меня к себе на семейный завтрак, после которого у себя в кабинете передал мне об этих слухах и просил моего энергичного содействия, чтобы прекратить всякую по этому поводу болтовню. Я его заверил, что все это мне известно и что мною приняты меры к пресечению скандала. Еще до этого я собрал корпус офицеров драгунского полка, причем командиру полка было предложено не являться на это собрание. Я дал

слово офицерам, что командир полка изменит свое обращение с ними После этого я отправился к графу Келлеру и серьезно переговорил с ним. Как офицеры, так и он жаловались друг на друга. Я и с него взял честное слово изменить свой грубый образ действий относительно офицеров.

Я остановился на этом инциденте лишь потому, что с именем графа Келлера было связано много сплетен и рассказов. Я же теперь (1924 год) прочел в только что изданной переписке Николая II с императрицей, что этот граф Келлер старался мне вредить и набросить тень на меня. Я убедился, что напрасно старался оберегать его от заслуженных побоев офицеров. Значит, они были правы в своей ненависти к нему.

Служба в Варшавском и Киевском военных округах

В декабре 1908 года я получил извещение, что должен получить армейский корпус и что предположено мне дать 14-й корпус, который стоял в г. Люблин. В начале января 1909 года я покинул Петербург.

Приехав в Варшаву, я явился к командующему войсками округа генерал-адъютанту Георгию Антоновичу Скалону. Он принял меня очень хорошо, и я отправился в

Люблин, которого раньше никогда не видел. Город произвел на меня прекрасное впечатление.

Сначала начальником штаба 14-го корпуса был генерал Федоров, человек очень толковый, дельный, симпатичный, и мне было очень приятно с ним иметь дело. Но у него была одна странность: он любил занимать меня очень пространными рассказами и, когда увлекался подробностями, всегда подкладывал одну ногу под себя. Это был плохой признак. Если я бывал чем-нибудь занят другим, а он устраивался поудобнее, подложив ногу под себя, я сейчас же призывал его к порядку и просил принять более официальную позу. К сожалению, я вскоре расстался с этим милым человеком, так как он получил дивизию.

Начальником штаба на его место был назначен генерал-майор Леонтович, раздражительный, подозрительный, болезненный, неприятный человек. Мне постоянно приходилось разбирать разные казусы по поводу различных обид, которые ему якобы причиняли. В общем, это был несносный субъект, и мне пришлось представить его к увольнению от занимаемой должности, что мне было крайне неприятно, так как он был человек семейный. Вскоре его назначили начальником дивизии в другом корпусе, и я слышал, что он и там выказал себя с очень плохой стороны.

После его ухода временно исполняли должность начальника штаба командир Тульского полка С. А. Сухомлин, в высшей степени толковый и исполнительный человек, и начальник штаба 18-й пехотной дивизии полковник В. В. Воронецкий. А затем ко мне приехал на эту должность генерал В. Г. Леонтьев, умный, дельный, но, к сожалению, очень болезненный человек.

Три года я прожил в Люблине, в очень хороших отношениях со всем обществом. Губернатором в то время был толстяк N, в высшей степени светский и любезный человек, но весьма самоуверенный и часто делавший большие промахи. Однажды у меня с ним было серьезное столкновение.

Всем известно, что я был очень строг в отношении своего корпуса, но в несправедливости или в отсутствии заботы о своих сослуживцах, генералах, офицерах и тем более о солдатах меня упрекнуть никто не мог. Я жил в казармах, против великолепного городского сада, и ежедневно прогуливался по его тенистым чудесным аллеям. Прогулки эти разделял мой фокстерьер Бур. В один прекрасный день, когда я входил в сад, мне бросилась в глаза вывешенная на воротах бумажка, как обычно вывешивались различные распоряжения властей: «Нижним чинам и собакам вход воспрещен». Я сильно рассердился. Нужно

помнить, что мы жили на окраине, среди польского, в большинстве враждебного, населения. Солдаты были русские, я смотрел на них как на свою семью.

Я свистнул своего Бурика, повернулся и ушел. В тот же день я издал приказ, чтобы все генералы и офицеры наряду с солдатами не входили в этот сад, ибо обижать солдат не мог позволить. Можно было запретить сорить, грызть семечки и бросать окурки, рвать цветы и мять траву, но ставить на один уровень солдат и собак — это было слишком бестактно и неприлично. Кроме того, я сообщил об этом командующему войсками и просил его принять меры к укрощению губернатора. Так как Г. А. Скалон был не только командующим войсками, но и генерал-губернатором, то он и отдал соответствующий приказ об отмене распоряжения губернатора, который приехал ко мне и очень извинялся, что не посоветовался раньше со мной. Впоследствии он чрезвычайно заискивал передо мной.

В то же время, или немного ранее, в Москве появился новый военный журнал — «Братская помощь», очень содержательный и интересный. Во главе его стоял полковник генерального штаба Михаил Сергеевич Галкин, но душою журнала и вдохновительницей всего дела, по собственному печатному признанию редактора-издателя, была Надежда Владимировна Желиховская, которую я

уже много лег не видал. С этой семьей я разошелся в свое время из-за интриг Всеволода Сергеевича Соловьева.

Я знал Надежду Владимировну молоденькой девушкой. Я вспомнил о ней, всегда мне нравившейся, вспомнил ее брата Ростислава, моего друга юности, и потянуло меня узнать, где она, что с ними творилось за все эти долгие годы.

Я написал в редакцию «Братской помощи», запрашивая адрес Надежды Владимировны. Однако, получив его, я — не отдавая себе отчета почему — порвал эту открытку и запомнил только, что две сестры Желиховские живут в Одессе. Я читал статьи Надежды Владимировны о московских лазаретах, удивляясь ее впечатлительности, вполне одобряя все ее выводы и взгляды на положение наших раненых и увечных после японской войны. Меня, безусловно, тянуло к этой энергичной девушке, но я боролся сам с собой и отдалял от себя мысль о том, что ее жизнь, полная самоотверженной работы на пользу изувеченных солдат и их обездоленных семей, — именно то, что для моей жизни было бы самым подходящим и живым. Я откинул мысль о Надежде Владимировне, взял отпуск и уехал в заграничное путешествие. На этот раз я решил посвятить все свое время Италии и в Германии был только проездом.

Из Италии я проехал в Грецию и Турцию и

вернулся в Россию через Одессу. Я помнил, что там живут сестры Желиховские, но решил проехать мимо, не заезжая к ним, тем более что я и запоздал в своем отпуске. Странная борьба происходила все это время а моей душе. Мысль моя постоянно возвращалась к Надежде Владимировне и к ее семье, к тому далекому времени, когда она была совсем молоденькой девушкой, даже девочкой, какой я ее знал еще в Тифлисе и затем в Петербурге. С другой стороны, я себя сдерживал и сам себя убеждал, что я с ней не виделся около двадцати лет и не знаю, что с ней, как она жила все эти годы, захочет ли выйти за меня замуж. Эти переживания были очень тяжелые. С одной стороны, я считал, что моя жизнь кончена, что я должен жить только для сына, и полагал, что если мне нужна женщина, то я мог бы ее найти и без женитьбы; с другой стороны, неотступно стояла мысль, что я непременно должен жениться на Надежде Владимировне.

В этих колебаниях прошел еще год. Я жил в Люблине, возился со своей службой, объезжал весь корпус, который был размещен по разным городам и местечкам Царства Польского. Довольно часто бывал в Варшаве и, несмотря на любимое дело и милое общество, томился своим одиночеством. У меня была прекрасная квартира в девять или десять комнат, балкон выходил в великолепный городской

сад, и вообще все было ладно, кроме одного — отсутствовала хозяйка.

В конце 1910 года я все-таки написал в Одессу, затем поехал туда и вернулся в Люблин уже женатым человеком. Но почему я должен был это сделать и кто мне это внушал — я не знаю, тем более что семьи братьев и добрые знакомые в Люблине мне предлагали устроить богатую и гораздо более блестящую женитьбу. Я всегда был очень самостоятелен и тверд по характеру и потому, чувствуя как бы постороннее влияние и внушение какой-то силы, сердился и боролся против этого плана женитьбы на девушке, которую двадцать лет не видел. Если бы мы жили в одном городе и с ее стороны было, бы желание, выражаясь вульгарно, «поймать выгодного жениха» — можно было бы подумать, что меня гипнотизируют. Много раз я писал ей письма и рвал их. И когда она узнала наконец о моих планах, то крайне удивилась и даже не сразу согласилась на это.

Последний год в Люблине я прожил уже с женой, которая вскоре завоевала все симпатии в городе и в войсках. Она энергично принялась подготавливать дело помощи раненым солдатам и инвалидам, так как давно уже отдавала свои силы этому делу.

В конце лета 1911 года приехала к нам из Америки старшая сестра жены — Вера

Владимировна со своим мужем Чарльзом Джонстоном. Ее я знал с давних пор, но американца-мужа увидел впервые. Публицист, писатель, теософ, оккультист, переводчик древних манускриптов и книг с санскритского, индустанского, бенгальского языков, он очень заинтересовал меня, и мы провели с ним несколько интересных для меня вечеров. Они погостили у нас недолго. После их отъезда наступили тревожные дни. Были маневры, пробные полеты самолетов, тогда только что появившихся у нас. Приезжали великие князья, различное начальство и иностранцы. Закопошились какие-то вражеские элементы. Я стал получать анонимные письма, что меня убьют, чтобы я не появлялся перед войсками и т. п.

Вскоре в моей служебной карьере произошла большая перемена. Меня назначили помощником командующего войсками Варшавского военного округа генерал-адъютанта Г. А. Скалона. Жена моя уже обжилась в Люблине и очень мало интересовалась моей карьерой. Это меня даже огорчало. Ей не хотелось переезжать в шумную Варшаву. Тем не менее надо было ехать. Военный официальный Люблин и частный дружеский кружок знакомых провожали нас сердечно, трогательно и пышно.

Приехав в Варшаву, мы остановились в

великолепной гостинице «Бристоль». Вскоре мы с женой стали подыскивать себе квартиру в ожидании прибытия обстановки из Люблина. В это время весь служебный персонал Варшавы жил в казенных прекрасных квартирах, а генерал Скалон — в замке бывших польских королей. Но для его помощника казенной квартиры не было. Мы устроились на Уяздовской аллее, вблизи парка, в прелестной квартире и были ею очень довольны. Но когда моя жена узнала, что мне полагается по должности казенная дача, где можно провести остаток лета, то с радостью поехала туда.

Наша казенная дача была в 30 верстах от города, в упраздненной крепости Зегрж, на берегу широкой реки Буго-Нарев. Это был поистине райский уголок. Громадный парк, чудный фруктовый сад, цветник. Дом большой, со всеми приспособлениями для удобной и приятной жизни и летом и зимой. Искусный садовник ежедневно скрашивал нашу жизнь редкими цветами, фруктами и ягодами. Это была не жизнь, а сплошной праздник. Телефон, соединявший нас с Варшавой, автомобили, постоянные приезды друзей. Там же жили на своей отдельной даче начальник штаба генерал-лейтенант Клюев со своей хорошенькой, всегда нарядной женой, генерал-квартирмейстер Постовский со своей многочисленной семьей, полковник Калинг с женой и дочерью и еще

несколько военных семей. Скалон предпочитал летом жить в Варшаве, в Лазенках. Из всех генерал-губернаторов, кажется, только Гурко любил Зегрж и проводил там каждое лето. В парке над обрывом над рекой был очень живописный уголок со скамейкой под старым развесистым дубом; перед глазами расстилалась чудесная даль. На этом дереве была прибита доска с надписью: «Здесь любил отдыхать генерал-фельдмаршал И. А. Гурко». И я последовал его примеру, часами просиживая на этом месте во время прогулок.

Несмотря на многие плюсы нашей жизни в Варшаве, перевешивали все-таки минусы моей служебной жизни, и мы прожили там всего год с небольшим. Но об этом речь впереди.

Мы с женой настолько полюбили Зегрж, что даже зимой несколько раз туда ездили. Жена моя устроила там школу для русских детей вместе с польскими и еврейскими. Зимой устраивала им елку, снабжала детскими книгами. На все это несколько косились в Варшаве, но первое время мы этого не замечали.

В Варшаве нас окружало блестящее общество, элегантная жизнь, множество театров, в которых у меня были свои ложи (по очереди с начальником штаба), концерты, рауты, обеды, балы, невообразимый водоворот светской и пустой жизни, сплетни и интриги. Разобраться в

отношениях людей, служебных и частных, было первоначально очень трудно. У моей жены понемногу наладилось дело, и составился более интимный и симпатичный кружок знакомых.

Я был окружен следующими лицами. Мой ближайший начальник, командующий войсками Варшавского военного округа, генерал-адъютант Скалон. Он был добрый и относительно честный человек, скорее царедворец, чем военный, немец до мозга костей. Ответственны были и все его симпатии. Он считал, что Россия должна быть в неразрывной дружбе с Германией, причем был убежден, что Германия должна командовать Россией. Сообразно с этим он был в большой дружбе с немцами, и в особенности с генеральным консулом в Варшаве бароном Брюком, от которого, как многие мне это говорили, никаких секретов у него не было. Барон Брюк был большой патриот своего отечества и очень тонкий и умный дипломат.

Я считал эту дружбу неудобной в отношении России, тем более что Скалон, не скрывая, говорил, что Германия должна повелевать Россией, мы же должны ее слушаться. Я считал это совершенно неуместным, чтобы не сказать более. Я знал, что война наша с Германией — не за горами, и находил создавшуюся в Варшаве обстановку угрожающей, о чем и счел необходимым частным письмом сообщить военному министру Сухомлинову. Мое

письмо, посланное по почте, попало в руки генерала Утгофа (начальника Варшавского жандармского управления). У них перлюстрация действовала усиленно, а я наивно полагал, что больших русских генералов она не могла касаться. Утгоф, тоже немец, прочтя мое письмо, сообщил его для сведения Скалону.

В этом письме я писал Сухомлинову, что, имея в виду угрожающее положение, в котором находятся Россия и Германия, считаю такую обстановку весьма ненормальной и оставаться помощником командующего войсками не нахожу возможным, почему и прошу разжаловать меня и обратно назначить командиром какого-либо корпуса, но в другом округе, по возможности — в Киевском.

Сухомлинов ответил мне, что он совершенно разделяет мое мнение относительно Скалона и будет просить о моем назначении командиром 12-го армейского корпуса, находившегося в Киевском военном округе, что спустя несколько времени и было исполнено.

Не могу не отметить странного впечатления, которое производила на меня тогда вся варшавская высшая администрация. Везде стояли во главе немцы: генерал-губернатор Скалон, женатый на баронессе Корф, губернатор — ее родственник барон Корф, помощник генерал-губернатора Эссен,

начальник жандармов Утгоф, управляющий конторой государственного банка барон Тизенгаузен, начальник дворцового управления Тиздель, обер-полицмейстер Мейер, президент города Миллер, прокурор палаты Гессе, управляющий контрольной палатой фон Минцлов, вице-губернатор Грессер, прокурор суда Лейвин, штаб-офицеры при губернаторе Эгельстром и Фехтнер, начальник Привислинской железной дороги Гескет и т. д. Букет на подбор! Я был назначен по уходе Гершельмана и был каким-то резким диссонансом: «Брусилов». Зато после меня получил это место барон Рауш фон Траубенберг. Любовь Скалона к немецким фамилиям была поразительна.

Начальником штаба был, однако, русский генерал Николай Алексеевич Клюев, очень умный, знающий, но желавший сделать свою личную карьеру, которую ставил выше интересов России. Потом, в военное время, оказалось, что Клюев не обладал воинским мужеством. Но в то время этого, конечно, я знать не мог.

Зимой 1912 года я был послан к военному министру с докладом о необходимости задержать запасных солдат от увольнения с действительной службы. В Петербурге я доложил военному министру о положении дел в Варшавском округе, и он нашел необходимым, чтобы я доложил об этом

лично царю. Я сказал Сухомлинову, что считаю это для себя неудобным. Но когда он стал настаивать на этом, я ему сказал, что если сам царь меня спросит об этом, я по долгу службы и русского человека скажу ему, что думаю, но сам выступать не стану. Сухомлинов заверил, что царь меня обязательно спросит о положении в Варшавском округе. Но когда я явился к Николаю II, то он меня ни о чем не спросил, а лишь поручил кланяться Скалону. Это меня крайне удивило и оскорбило. Я никак не мог понять, в чем тут дело.

Как бы то ни было, я уехал в Варшаву, получив обещание военного министра, что мне дадут корпус в Киевском округе. Ранее было решено, что в случае войны я буду назначен командующим 2-й армией, которой впоследствии командовал Самсонов, столь неудачно окончивший свое жизненное поприще¹⁷. Естественно, что при

¹⁷ 17 августа 1914 г войска Северо-Западного фронта начали наступление в Восточную Пруссию, где была развернута 8-я германская армия. 1-я русская армия под командованием генерала Ренненкампа, наступавшая севернее Мазурских озер, к 20 августа нанесла крупное поражение 8-й германской армии, но из-за пассивности командования и отставания тылов преследование отступавшего противника организовано не было. 20 августа 2-я русская армия под командованием генерала Самсонова начала наступление на северо-запад, обходя Мазурские озера